

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ**

**МЕТОДЫ
ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ**

Москва 1999

Серия: **Исследования Центра по изучению
и урегулированию конфликтов
Института этнологии и антропологии РАН**

Научный редактор
В. В. Степанов

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 96-01-16202

© Институт этнологии и антропологии РАН, 1999

Утверждено к печати Институтом этнологии и антропологии
Российской Академии Наук

ISBN 5-201-13716-4

Подписано в печать 28.12.98 Формат 60x84¹/₄ Объем 19,3 п.л.
Тираж 300 экз. Цена договорная Заказ № 31

Участок оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии РАН
117334 Москва, Ленинский проспект, 32А

Оглавление

	<i>стр.</i>
Предисловие	4
2. Введение. Этнокультурная среда требует защиты (<i>В. В. Степанов</i>)	7
Глава I. От науки - к научной практике	
1. Методологические основы этнической экологии и вопросы их практического применения (<i>В. И. Козлов</i>)	14
2. О биологическом аспекте групповой адаптации (<i>Н. А. Дубова</i>)	30
3. Ситуация с прикладными этноэкологическими исследованиями в зарубежной этнологии (<i>А. Н. Ямсков</i>)	41
Глава II. Теория этноэкологической экспертизы (<i>В. В. Степанов</i>)	
1. Задачи экспертизы	61
2. Этнокультурная среда	70
3. Понятие "население под воздействием"	87
4. Социальное управление и этноэкологическая экспертиза	117
5. Возможности и ограничения экспертизы	121
Глава III. Методы этноэкологической экспертизы	
1. Основные методы демографического изучения этнокультурных групп (<i>О. Д. Комарова</i>)	128
2. Экспресс-анализ демографической устойчивости (<i>В. В. Степанов</i>)	146
3. Социально-психологические критерии устойчивости этнокультурных групп (<i>Н. М. Лебедева</i>)	174
4. Методы изучения этносоциальной поляризации (<i>А. Н. Ямсков</i>)	201
5. Система немассовых опросных листов для оценки устойчивости этнокультурной среды населения (<i>Ю. В. Иванова</i>)	215
6. Этномедицинское обследование населения (<i>Н. А. Дубова</i>)	254
Заключение. Еще раз о главном (<i>В. В. Степанов</i>)	295
Словарь терминов и понятий этноэкологической экспертизы (<i>В. В. Степанов</i>)	297
<i>Авторы этой книги</i>	299

Предисловие

Нынешняя жизнь в России очень переменчива и мало предсказуема. Один за другим рушатся, казалось бы, самые уверенные прогнозы политического и экономического развития. Но именно в наше время, как никогда раньше, разрабатывается и быстро внедряется большое количество всевозможных региональных проектов строительства, использования природных ресурсов, приватизации, конверсии, законодательства, образования. И вот парадокс: большинство из таких проектов требует очень больших затрат, а возможные последствия изучаются слабо. Причем в отношении этнических групп населения и этнокультурной среды негативные последствия вообще никто не контролирует.

Система государственной экспертизы предусматривает несколько направлений, среди которых чиновник, дающий ход какому-либо проекту, наибольшее внимание уделяет экономической экспертизе. В определенных условиях ведущую роль играют санитарно-эпидемиологическая и экологическая экспертизы. Специфическими также являются нормативно-строительная и технологическая экспертизы, препятствующие проектам, которые могут угрожать здоровью людей. В то же время этнокультурные последствия обычно мало волнуют ответственных лиц. Говорят: если что и произойдет в "социальной сфере", так не раньше, чем через 25-30 лет... Да и вообще, невозможно прогнозировать столь "тонкие материи" как развитие культуры. Проектируем, к примеру, значительный для региона строительный объект. Посчитали затраты, оценили экологический ущерб, прикинули даже как изменится местная демографическая обстановка. Но кто же будет учитывать возможные перемены в этническом самосознании у местных жителей? Или возможное усиление этнической нетерпимости? Все это никак не "подошьешь" к экономическому балансовому расчету...

Однако *побочные* социокультурные результаты от внедрения даже сугубо технологических проектов дают о себе знать гораздо раньше, чем через четверть века. Уже не раз бывало так, что по "второстепенной" причине оказывался невыполнимым и сам внедряемый проект. Впечатляющий пример - неудача со строительством БАМа, проблема которого отнюдь не только в суровых климатических условиях и отсутствии финансирования. Разработчики "стройки века" рассчитывали исключительно на *рабочую силу*, а не на *население*. А у населения, как общеизвестно, отличные от рабочей силы потребности и запросы. Ему свойственны особые закономерности демографического, культурного и социального развития. Если внедряемый проект не опирается на население¹, то с уходом рабочей силы он обречен на забвение, каким бы нуж-

¹ *Опора на население означает ориентацию на местных жителей и пополнение их численности за счет привлекаемых групп переселенцев.*

ным для общества он ни казался. Но это только одна, хотя и дорогостоящая, сторона вопроса.

Другая проблема - вред, наносимый общности местного населения. Казалось бы, хотели как лучше - укрупнили сельский центр за счет окружающих мелких деревень. Вроде вполне логично: так удобнее строить новое жилье, и с работой легче, дети в большую школу будут ходить. А в результате за 10-15 лет население исчезает не только в упраздненных деревнях, но и в поселках побольше, и в самом районном центре...

Социально-культурные "побочные" последствия управленческих решений действительно очень трудно предвидеть, и, тем не менее, какие-то формальные расчеты, пускай поначалу даже примитивные, просто необходимы.

Нет сомнений, что любой мало-мальски крупный проект, претворяемый в жизнь, должен быть изучен не только как экономически целесообразный и экологически не вредный, но и как безопасный для этнокультурной среды населения. Причем обычными социологическими опросами (скажите, Вы - "за" или "против"?) тут не обойтись, требуется специальная экспертиза.

Опорой такой экспертизы должны служить гуманитарные науки, в первую очередь - этнология с ее специализированной дисциплиной этноэкологией, которые накопили большой арсенал методов прикладных исследований. Проблема в том, чтобы выбрать из этих методов наиболее простые и надежные. Но еще не менее важны подходы и концепция. Этим и другим вопросам посвящена наша книга.

Авторский коллектив занимается проблемами этнической экологии более 10 лет. За это время коллективом проводились разнообразные исследования на территории бывшего СССР и за рубежом. Значительный практический опыт экспертизы ряда крупных государственных социальных проектов, а также финансовая поддержка двух правительственных фондов - Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) - послужили базой для разработки основных принципов и методики этноэкологической экспертизы.

В первом издании мы считаем необходимым рассказать, как нужно проводить этноэкологическую экспертизу (оставляя за рамками вопросы ее организации и легитимности) и почему вообще она необходима современному цивилизованному обществу. Мы постараемся показать, что прикладная роль гуманитарной науки неумолимо повышается, и что даже сугубо утилитарные проблемы, возникающие в обществе, не могут быть решены одними только техническими средствами.

Предлагаемый новый вид экспертизы пока не имеет концептуальных аналогов в мире, поэтому мы надеемся, что наша книга послужит импульсом к дальнейшему развитию нового междисциплинарного направления не только в отечественной науке, но и за рубежом.

* * *

Наша работа была бы чрезвычайно затруднена, если бы ей не оказывалась существенная интеллектуальная поддержка. У нас нет возможности выразить благодарность всем академическим работникам и специалистам-практикам, чьи кри-

тические советы и пожелания обогатили наш коллективный труд. Перечислим лишь немногих. Это, прежде всего, сотрудники Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук: В. А. Тишков, директор Института (обсуждение идеологических факторов этногруппообразования, причины межгрупповой конкуренции и конфликтов), Н. Г. Волкова (вопросы фиксации хозяйственно-культурных стереотипов и традиций), М. Н. Губогло (роль политических элит в социальной мобилизации этнических групп), Л. М. Дробижева (проблемы этнических аспектов занятости), Н. И. Новикова, И. Л. Бабич (правовые принципы защиты малочисленных этнических групп), С. В. Соколовский (проблема "туземности" населения, положение меньшинств, группообразующие факторы брачности населения), Е. И. Филиппова (организационные принципы изучения мигрантов и беженцев), а также Н. И. Григулевич и А. П. Павленко - членов нашего творческого коллектива, чьи работы войдут во второй выпуск исследований. Сотрудники Института национальных проблем образования: М. Н. Кузьмин (обсуждение роли факторов образования в процессе этнической мобилизации и психологической толерантности), О. И. Артеменко (психофизиологических возможностей адаптации детей в условиях различных этнокультурных групп). Авторы также выражают особую благодарность А. А. Суколову (Высшая школа экономики), не только внесшего ценный вклад в обсуждение проблем социальной и демографической устойчивости этнокультурных групп населения, но и лично принимавшего участие в разработке методов оценки переселенческих программ, являясь руководителем ряда экспертиз. Мы также признательны за ряд ценных замечаний и сотрудничество доктору географических наук А. И. Алексееву (профессор Московского Государственного университета) и сотруднику Центра по международным исследованиям в Бюро переписи США, доктору социологии В. В. Кинкейду. Мы и впредь надеемся на плодотворные научные контакты и критический отклик.

Наконец, нашу отдельную благодарность мы должны высказать Российскому гуманитарному научному фонду (Москва), без чьей финансовой поддержки значительная часть исследований просто не могла бы состояться. Хотелось бы также отметить то понимание, с которым отнеслись сотрудники Фонда к позднему выходу в свет нашей книги. Без их терпения наши творческие возможности были бы существенно ограничены.

*От коллектива авторов
научный руководитель*

В. В. Степанов

Введение. *Этнокультурная среда требует защиты*

Форма существования всегда соответствует условиям жизни - это экологический закон.

(Н. Ф. Реймерс "Экология", 1994)

Проблема сохранения этнических культур стоит очень остро в России, как и в остальных странах бывшего СССР, где фактически все еще действует административно-приказной режим социального управления. Непродуманные политические решения часто оказывают разрушительное воздействие на этнокультурную среду.

Любая этническая общность - большая или малая - должна быть защищена от такого разрушения. Причем требуют внимания и элементы этнокультурной среды, такие как язык, система расселения, форма природопользования и многое другое. В противном случае, как показал негативный опыт постсоветских стран, возникают и множатся очаги политической, экономической и экологической нестабильности.

Занимаясь проблемами экологии этнических групп с 1981 г., авторы пришли к выводу о необходимости стандартных методов анализа административных решений и проектов, затрагивающих этнические общности. Такая форма экспертизы разрабатывалась с 1989 г. и ныне позволяет выяснить, какие негативные последствия для конкретной этнической группы будет иметь то или иное управленческое воздействие. Данная форма анализа получила название *"этноэкологическая экспертиза"*¹.

Какие программы должны проходить этноэкологическую экспертизу? Прежде всего - крупные строительные проекты, региональные решения о конверсии военно-промышленного комплекса, разработка миграционной политики, программы приватизации и продажи земли, инвестиционные проекты, решения о создании конкретных национальных автономий, создание заповедных территорий, местные законодательные акты. Практически все социально значимые проекты влияют на население и его этнокультурную среду.

Наш исследовательский опыт показывает, что заинтересованность в такого рода экспертизе проявляет и региональная администрация, и местное население. С одной стороны, управленческие

¹ Степанов В. В. Этноэкологическая экспертиза для изучения проблем межнациональных отношений // Этнические факторы в жизни общества. - М.: ИЭА АН СССР, 1991

структуры получают необходимые сведения о том, насколько планируемая деятельность соответствуют местным условиям. В то же время общественность, со своей стороны, делает выводы о компетентности местной администрации. На наш взгляд, разумная защита этнокультурной среды (но не ее *консервация*) в конечном итоге ведет к социальной, правовой и экономической стабильности.

До настоящего времени нигде в мире не существует стандартной системы оценки влияния административных проектов на этнические общности, хотя в этой области и имеется значительный опыт конкретных исследований (в Канаде, США, Индии, Австралии, бывшем СССР, в странах Скандинавии и др.).

Цель нашей книги - представить специальную систему методов и критериев, при помощи которых можно проводить экспертизу общественных видов деятельности, затрагивающих этнические группы и их жизненную среду. Нам также хотелось бы способствовать распространению практики "гуманитарного" экспертного анализа значительных региональных программ и привлечь внимание ученых, политических деятелей и широкой общественности России к этой проблеме.

Методологической основой этноэкологической экспертизы является этническая экология - научная отрасль, успешно развивающаяся как за рубежом, так и в России². Эта дисциплина изучает этнические общности во взаимосвязи с окружающей средой (природной и социокультурной). Этнические общности имеют особую внутреннюю структуру, которая находится в определенном балансе с окружающей средой. Нарушение баланса приводит общность в неустойчивое состояние с разными негативными последствиями, среди которых - "взрывные" миграции населения, развитие этноконфликтных ситуаций, рост социальных проблем, разрушение природных экосистем.

Суть этноэкологической экспертизы в том, чтобы способствовать предотвращению подобных кризисных ситуаций. Поэтому в списке важнейших задач экспертизы значатся следующие:

(1) Прежде всего, требуется выяснить, в каком состоянии находится конкретная этническая общность, насколько она устойчива в демографическом и социальном отношениях. Например, положение сельского русского населения в центральных областях России демографически неустойчиво и поэтому ориентация местных вла-

²Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография, N1, 1983

стей на активное развитие фермерства вызывает ускоренное разрушение слабых сельских общностей.

(2) Требуется также выяснить, может ли конкретное управленческое решение оказать негативное влияние на местное население и этнокультурную среду? Уже упомянутый пример - проект развития фермерства - имеет неодинаковый результат в разных этнокультурных средах. К примеру, в Нижегородской области русские, по нашим наблюдениям, более склонны участвовать в разделе земли, а проживающие по соседству татары - нет. Последние ориентированы на коллективное ведение хозяйства, что связано с этнокультурными и конфессиональными особенностями их быта. В итоге можно прогнозировать, что после приватизации земли русское население станет уменьшаться за счет миграции (так как фермерство, как известно, ведет к уменьшению численности сельского населения), а татарское население останется более или менее стабильным или даже увеличится. Естественно, пострадает этнокультурная общность местных жителей.

(3) Экспертиза также должна ответить на вопрос, какие возможны последствия для этнокультурных групп, если конкретное управленческое решение будет принято. Некоторые этнические общности имеют нечто вроде хозяйственно-бытовой системы жизнеобеспечения. Если управленческое решение разрушает главные элементы этой системы, то, соответственно исчезают и какие-то ее жизненно важные функции. Например, административное перемещение сельских жителей северных российских областей из мелких деревень в крупные населенные пункты привело к этнокультурной деградации и распаду местных общностей карел, вепсов, русских, поскольку была нарушена оптимальная система расселения и связанная с ней привычная форма природопользования.

(4) Наконец, экспертиза должна ответить на вопрос о возможности модификации проекта или альтернативного решения. Любой социальной проект имеет свои положительные и отрицательные стороны. Если идея в целом верна, то его основные положения можно скорректировать, уменьшив негативные последствия до минимума. Например, административные органы ряда российских областей разрабатывают программы приема и обустройства мигрантов, переселяющихся из республик бывшего СССР. Анализ показывает, что часть таких программ приносит вред местным жителям и самим переселенцам, поскольку не учитываются физиологические, психологические, материальные и прочие затраты мигрантов на адаптацию к новым природным и социально-культурным условиям. В результате расходование бюджетных

средств оказывается неэффективным. Но соответствующая поправка со стороны экспертизы сделала бы такой проект жизнеспособным, как это было, к примеру, в Тульской области, где для русских переселенцев из Закавказья отведены в целом подходящие территории³.

Современная динамика этнополитических процессов в странах бывшего СССР показывает, что для принятия каких-либо политических и экономических решений и вообще для оценки тех или иных общественных событий ситуативные консультации специалистов отнюдь не достаточны. Для адекватного понимания конкретного социального явления требуется комплексное экспресс-исследование по отдельным научным отраслям без терминологического и предметного "разнобоя". Иначе говоря, требуется стандартизация исследований.

Этноэкологическая экспертиза необходима потому, что практически любая сфера социального бытия имеет этнический аспект. Все важнейшие процессы общественного воспроизводства так или иначе осуществляются с участием многообразных этнокультурных механизмов. Исключительно рациональные (разработанные наукой) способы жизнедеятельности пока что не практикуются ни в одном высокоразвитом государстве.

Этноэкологическая экспертиза ориентирована на прикладную деятельность. Как и экологическая экспертиза, она имеет сугубо практическую цель: распознать и изучить (точнее, измерить) явления, воздействующие на среду. При этом ее особенность заключается в отсутствии нормативной базы: многие качественные характеристики анализируемых явлений определяются не по конкретным нормативам, а исходя из общеэкологических критериев стабильности объекта и среды.

Методы этноэкологических исследований базируются на достижениях разных научных дисциплин и субдисциплин, таких как:

этнология и антропология

этноэкология

этносоциология

этнопсихология

демография (социальная, биодемография)

³ Степанов В. В., Сусоколов А. А. Проблемы адаптации крестьянства из ближнего зарубежья на территории России //Международная научно-практическая конференция "Новое российское зарубежье: проблемы, перспективы", Санкт-Петербург, 27-29 ноября 1992 (материалы конференции). - СПб., 1992

Степанов В. В. Миграция закавказских духовоборов и молокан: этноэкологическая экспертиза возможных вариантов расселения в России //Российский этнограф, №1. - М.: ИЭА РАН, 1993

география населения
экономическая география
медицинская география
экология человека
санитарная гигиена
диетология
климатология
ландшафтоведение

Несколько слов о предыстории развития этноэкологической экспертизы⁴. С начала 1990-х гг. государственные официальные лица стали проявлять заинтересованность в объединенной работе со специалистами-этнологами, особенно в случаях когда общественное мнение могло отрицательно сказаться на репутации некоторых политических деятелей или их решений. Все чаще признавалось, что без специалистов из области этнографии трудно оценить вероятность возникновения этнических проблем и их последствия.

Консультации академических работников-этнологов постепенно превратились в некоторые формы постоянного сотрудничества с правительственными органами или должностными лицами. Например, профессора З. П. Соколова и В. А. Тишков (Институт этнологии РАН) разработали первую версию закона о малочисленных этнических группах Сибири и Севера, который был призван регулировать поземельные отношения этих групп с государством. Познее к решению сходных проблем были привлечены многие этнологи⁵.

В конце 1980-х - начале 1990 - х гг. этнологи стали принимать активное участие в анализе значительных социальных государственных проектов. В науке все шире утверждалось представление о необходимости скрупулезной проработки хозяйственных проектов с учетом специфических запросов населения и необходимости компенсаций в случае нанесения значительного ущерба хозяйству и культуре народов, прежде всего народов, чья жизнь основана на традиционном ведении хозяйства⁶. Так были приостановлены или скорректированы некоторые индустриальные и политические проекты, потенциально вредные для местных этни-

⁴ Yamskov A., Dubova N. Practicing Anthropology in Russia: An Overview //The Global Practice of Anthropology, N 58. - Williamsburg: College of William & Mary Press, 1997

⁵ Соколова З.П., Новикова Н.И., Ссорин-Чайков Н.В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы //Этнографическое обозрение, N1, 1995

⁶ Тишков В. А. Народы и государство //Коммунист, N1, 1989

ческих групп (С. С. Савоскул, В. В. Карлов, В. В. Степанов, А. А. Сусоколов, Н. А. Дубова, Н. И. Новикова).

Авторами данной книги накоплен значительный опыт практических исследований в республиках бывшего СССР. Разработаны такие фундаментальные темы, как этнокультурные факторы долготельства, жизнеспособность переселенческих групп и способности коллективной адаптации и др. Имеется значительный практический опыт проведения экспертизы ряда крупных государственных социальных проектов, таких как: проект строительства каскада ГЭС на Алтае (по заказу Гидропроекта РФ, 1990-93 гг.); проект миграционной политики в Российском Нечерноземье (Госкомтруд СССР, 1990-91 гг.); проект оптимального расселения русских переселенцев из республик бывшего СССР в Россию (Министерство сельского хозяйства РФ, 1992 г.); проект этнокультурной автономии и развития малочисленного народа вепсов (Министерство культуры РФ, 1989-90); анализ этнокультурного и демографического состояния русскоязычного населения в Закавказье (Госкомнац РФ, 1993 г.); картографирование этноконфликтных территорий РФ для целей адекватной промышленной политики (Госкомитет РФ по промышленной политике, 1993 г.). Также были проведены экспертные исследования, выполненные для местных (областных и районных) администраций ("Культурно-экологические территории Прибайкалья", "Проблемы создания автономии сергачских татар", "Этнокультурная выживаемость народностей Севера в Ханты-Мансийском АО", проект строительства транспортной магистрали на Дальнем Востоке и др.).

Научным коллективом разработаны следующие комплексы методов этноэкологических исследований:

- медико-антропологические критерии групповой адаптированности к окружающей среде;
- методы демографического прогноза устойчивости локальных групп;
- оценка санитарно-гигиенических особенностей традиционного жилья и жилищно-бытовой среды в целом;
- оценка этнокультурных способов адаптации этнических групп в разных климатических условиях;
- изучение динамики пищевой "среды" этнических групп; влияния перемен в питании на демографическое и социокультурное воспроизводство этнических общностей;
- анализ эффективности традиционных способов хозяйствования и природопользования; исследование воздействия традиционных и новых форм природопользования на окружающую среду;

- методы прогнозирования структуры занятости, а также социальной и профессиональной мобильности;
- анализ экономического положения этнической группы; прогноз внутригрупповой и межгрупповой экономической и социально-профессиональной конкуренции;
- оценка социально-психологических параметров этнических общностей (степень внутригрупповой сплоченности, культурно-психологической изоляции от окружающего мира, психологической ранимости в связи с окружающими переменами, анализ факторов групповой агрессивности и проч.);
- оценка миграционной подвижности этнических групп;
- методы оценки вероятности роста межэтнической напряженности.

Основные положения и методы этноэкологической экспертизы представлены в данной книге. В главе I "От науки - к научной практике" обсуждаются основные методологические положения отечественной и зарубежной этнической экологии. Особое внимание уделено вопросам коллективного жизнеобеспечения и адаптации (разделы В. И. Козлова и Н. А. Дубовой). Показан диапазон и тенденции применения этноэкологических исследований в мировой практике (раздел А. Н. Ямскова). В главе II в сокращенном варианте говорится о теории и назначении этноэкологической экспертизы (В. В. Степанов). Основные материалы содержатся в главе III "Методы этноэкологической экспертизы", где представлены работы всего научного коллектива авторов. При этом достаточно подробно освещены демографические методы изучения этнокультурных групп (О. Д. Комарова, В. В. Степанов) и методы социально-психологические (Н. М. Лебедева). Представлены методы изучения этнокультурной среды (Ю. В. Иванова), позволяющие выяснить, насколько устойчивы в этнокультурном отношении группы населения, подверженные воздействию различных проектов. О последствиях внедряемых проектов трудно судить, без сведений о том, как на общественную жизнь влияет социальная корпоративность этнических групп населения (соответствующие методы в разделе А. Н. Ямскова). Оценка последствий социального управления также не будет полной, если не учтена итоговая нагрузка на здоровье местных жителей (Н.А. Дубова). Работу завершает резюме и специализированный словарь терминов этноэкологической экспертизы.

Глава I.

ОТ НАУКИ - К НАУЧНОЙ ПРАКТИКЕ

1.

Методологические основы этнической экологии и вопросы их практического применения

В. И. Козлов

Люди с давних пор и до настоящего времени объединяются в разные различные группы или общности, отличающиеся друг от друга характером внутренних связей, назначением, размерами и другими признаками. Если разделить все общности людей на те из них, которые созданы с определенной целью (в которые люди вступают более или менее по их желанию) и на те, которые возникли как бы естественноисторическим путем (в которые люди включаются с раннего детства, в ходе их социализации), то к числу вторых следует отнести, прежде всего, семейно-родственные группы и крупные объединения - этнические общности.

В обширной и многосторонней науке этнологии имеется самостоятельное направление, называемое экологическим, или этноэкологическим в отечественной традиции, изучающее особенности жизни этнических общностей в определенной среде.

В 1970-90-е гг. в мировой науке экологические исследования (экологизация науки) и, прежде всего, исследования по экологии человека приобрели огромный размах. Видимо, в обозримом будущем их значимость еще более возрастет. Это обусловлено как продолжающимся ухудшением экологической ситуации в большинстве стран мира, в том числе и в России, так и растущей озабоченностью широких кругов общественности перспективами дальнейшей жизни людей на Земле.

Основателем "экологии человека" принято считать американского географа Г. Берроуза, впервые предложившего это понятие, и особенно социолога Р. Парка, который использовал понятие при изучении адаптации людей к городской среде¹. Позднее в научных исследованиях США появилось новое научное направление "социальная экология", цель которого заключалась в том, чтобы выявлять осо-

¹ Barrows H.H. Geography as Human Ecology //Annals Assoc. Amer. Geogr., v.13, N1, 1923; Park R. The City. - University of Chicago Press, 1926

бенности и закономерности взаимоотношения людей со средой их обитания.

Экологию человека мы определяем как комплексную науку, в которой выделяется две части - биологическая и социально-культурная². Без социально-культурной части экология человека была бы наукой о выживании одного из видов млекопитающих, а без учета биологической части - растворилась бы в культурологии и социологии. В экологии человека используются биологические термины и понятия, но с приданием некоторой специфики. Так, под термином "популяция" прежде всего, понимается относительная самостоятельность какой-то группы людей среди остального населения, а не ее экологическое местоположение ("ниша"), поскольку в данном случае нет прямой связи популяции со средой.

Основной задачей экологии человека является изучение факторов жизнеобеспечения групп (общностей) людей в конкретных природных условиях обитания и возникающих при этом взаимосвязей между обществом и природой³. Жизнеобеспечение достигается при этом путем коллективной адаптации к среде - природной и антропогенной. Выделяется биологическая адаптация (физиологическая и антропологическая), обусловленная биологическими особенностями человеческого организма и конкретной популяции, и социально-культурная адаптация (включая и психологическую), обусловленная исторически достигнутым уровнем развития хозяйственной деятельности, производственными отношениями. При этом важную роль играет традиционная культура конкретных групп людей.

При изменении среды обитания или перегруппировки общности вырабатываются те или иные механизмы коллективной переадаптации, в результате появляются новые системы жизнеобеспечения. Центральное место в системе материального жизнеобеспечения занимает питание (калорийность и качественный состав пищи), немаловажное значение имеет и обеспечение надлежащей терморегуляции организма за счет особенностей одежды и жилища.

Эффективность адаптации и жизнеобеспечения определяется показателями здоровья населения (заболеваемость, долгожительство), показателями демографического воспроизводства (рождаемость, смертность) и данными о миграционной подвижности боль-

² Именно социально-культурная, а не социальная, так как некоторые животные также ведут "социальный" - стадный/коллективный образ жизни.

³ Нередко понимают "экологию" как вообще охрану чего-то самобытного. С середины 1980-х гг. с легкой руки академика Д.С. Лихачева получило распространение выражение "экология культуры", смысл которого сводится к необходимости заботы о сохранении традиционной народной культуры (Лихачев Д.С. Экология культуры //Заметки о русском. - М., 1984).

ших групп людей. Часть задач экологии человека связана с проблемами рационального природопользования, которые в последние десятилетия получили широкий общественный резонанс во всем мире.

При решении своих задач экология человека взаимодействует со многими уже достаточно сформированными науками и дисциплинами, и, прежде всего, с биологией человека, включая физическую антропологию, а также географией, медициной, в частности медицинской географией (включая краевую патологию), демографией, психологией, культурологией.

Особое место среди наук, с которыми взаимодействует экология человека, занимает этнология и именно в зоне стыковки этих наук возникла пограничная дисциплина - этническая экология. Большое значение связей между экологией человека и этнологией для каждой из этих наук обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, этнические общности изучаются экологией человека как один из примеров наиболее естественных и устойчивых групп людей (для этнологии же категория указанных общностей является центральным понятием). Во-вторых, и та и другая научные дисциплины изучают культуру (и ее традиционные системы), которая, по сути, представляет собой небиологическое средство коллективной адаптации людей к среде.

В зарубежных этнологических дисциплинах процесс экологизации получил развитие уже с середины 1950-х гг. (в американской культурной антропологии) в теоретических построениях и позднее - в практических разработках. Прикладная этнология с экологическим уклоном раньше всего возникла в развивающихся странах после распада колониальной системы, в которых в значительной степени сохранен традиционный образ жизни. Потребность решать серьезные социальные проблемы стимулировала развитие идеи возврата к прошлым "экологически сбалансированным" способам коллективного существования, подорванного пришлыми европейцами.

Не только в развивающихся, но и развитых странах этнология неизбежно сталкивалась с изучением особенностей жизнеобеспечения этнических групп, т. е. с решением экологических задач. Отмеченное обстоятельство способствовало сближению этнологии и экологии человека - за рубежом раньше, в отечественной науке - позднее, с конца 1970-х гг. Последнее объясняется тем, что в СССР экология человека как отдельное направление развивалась медленно. Кроме того, идеология того времени не позволяла многим отечественным обществоведам преодолеть опасения "чрезмерной биологизации" науки. Поэтому даже среди тех этнологов, которые приступили к тематике жизнеобеспечения этнических групп, долгое время преобладал культурологически-типологический, а не экологический подход.

Начало формирования этнической экологии, как научной дисциплины, относится к середине 1950-х гг., когда она впервые была представлена в работах американского антрополога Дж. Стюарда в виде "культурной экологии"⁴. Выдвинутые им идеи оказались весьма плодотворными - в результате в американской науке появились даже несколько соответствующих направлений (школ). В дальнейшем экологическое направление в этнологии широко распространилось в мире, а в ряде стран с неустойчивой экономикой, как, например, в Индии, этническая (этнокультурная) экология играет существенную роль в решении практических задач.

В конце 1970-х гг. в отечественной науке началось формирование на стыке этнографии и экологии человека новой научной дисциплины - этнической экологии. Ее задачами явилось изучение традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп, их опыта природопользования, а также исследование способов адаптации этнических групп к природным и социально-культурным условиям среды, оценка успешности этой адаптации по физическому и психическому здоровью, долголетию и другим показателям⁵.

Этническая экология (или экология этнокультурных групп) - научная субдисциплина, взаимодействующая с этнической антропологией, этнической географией, этнической демографией, медицинской географией, этнической психологией и некоторыми другими дисциплинами. Ставя в центр своего внимания, как и вся экология, изучение взаимоотношений и взаимодействия особей или их сообществ и среды, этническая экология, в соответствии с особенностями экологии человека, учитывает специфику человека как социально-биологического существа, ведущую роль социально-экономических факторов в его развитии, важность культуры как основного небиологического средства адаптации к среде обитания, растущее влияние хозяйственной деятельности людей на преобразование природы. Приоритетными направлениями этнической экологии являются: изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических коллективов; влияния этноэкологических взаимосвязей на здоровье людей и воспроизводство этнических групп.

Стимулирующее значение для становления этнической экологии имело участие этнологов, демографов, антропологов, географов, медиков, психологов и др. специалистов в начавшейся в 1978 г. разработке советско-американского научного проекта "Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследо-

⁴ Steward J.H. Theory of Cultural Change: The Methodology of Multilinear Evolution. - Urbana Press, 1955

⁵ Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография, N1, 1983; Этническая экология: теория и практика. - М.: Мысль, 1991

вание народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей". Проект был нацелен на выяснение причин феномена популяционного долгожительства, т. е. сравнительно большой доли людей в возрасте 90 лет и старше у отдельных народов. Задача этнологов заключалась в том, чтобы выяснить, является ли следование традиционному образу жизни причиной долгожительства и, если - да, то какие традиционные модели жизнеобеспечения оказывают на этот феномен положительную роль⁶.

Каждая этническая общность возникает и обычно расселена на ограниченной территории, т. е. в определенных природных условиях, к которым входящие в общность люди так или иначе вынуждены адаптироваться. Адаптация людей к среде обитания осуществляется главным образом через их материальную и духовную культуру, накладывая отпечаток на эту культуру, на коллективное сознание и психологию. В части биологической адаптации могут изменяться и некоторые антропологические признаки, которые наряду с культурными иногда приобретают этническую специфику. В свою очередь, искусственное изменение природных условий приводит к возникновению своеобразных "культурных ландшафтов" с явно выраженными антропогенными компонентами (сельхозугодья, населенные пункты и проч.). Устойчивость этнических общностей достигается не только за счет межпоколенной трансмиссии языка и этнических ориентаций, но и путем создания для каждого нового поколения средств жизни с использованием навыков традиционного жизнеобеспечения. Важным условием исторически длительного воспроизводства этнических общностей является традиционная эндогамность, придающая небольшим народам черты популяций.

При изучении особенностей жизнеобеспечения этнических групп выделяется физическая (материальная) и психическая (духовная) стороны жизнеобеспечения. К первой относится биологическая адаптация людей к природной среде и социокультурная адаптация, которая связана с их хозяйственной деятельностью и отражается в особенностях материальной культуры (пища, одежда и т. д.), а также в этноботанике и народной медицине. Ко второй относится главным образом психологическая адаптация людей на личностном и групповом уровне к окружающей природной среде и иноэтническому социально-культурному окружению, традиционные методы предупреждения или ослабления стрессовых ситуаций и т. д. Исследование отношений этнических групп к природной среде предполагает выделение экофильных и экотобных тенденций и традиций с использованием такого материала для экологического воспитания и других целей.

⁶ Абхазское долгожительство, ред. В. И. Козлов. - М.: Наука, 1987

Понятие "экологическая адаптация"- важнейшая категория этнической экологии. В отечественной науке проблема адаптации человека изучалась еще в начале 1920-х гг. Автор первой статьи антрополог В.В. Бунак⁷ в числе проявлений климатической адаптации перечисляет перемены процессов обмена веществ в организме человека, изменения в нервно-психической сфере. Его наблюдения показали, что европейцы легче, к примеру, приспосабливаются к более холодному климату, чем к жаркому. Тот же исследователь указывал, что по мере адаптации возможны "эргологические" изменения, т. е. переход на иной темп и режим труда, изменения в сфере быта и питания.

Однако активная разработка проблем адаптации в отечественной науке начинается лишь с 1970-х гг. Так, было установлено, что некоторые расовые характеристики людей обусловлены длительной адаптацией к природным условиям обитания⁸.

Биологическая и небиологическая адаптация (хозяйственная, культурная) составляют основу жизнеобеспечения этнических групп. Термин "жизнеобеспечение" появился в отечественной этнологии в начале 1980-х гг.⁹, однако понятие и круг проблем, имеющих отношение к данному термину остаются слабо проработанными до настоящего времени¹⁰.

Жизнеобеспечение определяется нами как процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида или группы путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания для обеспечения воспроизводства людей и их сообществ (в данном случае этнических групп). Основным механизмом небиологической адаптации является трудовая деятельность и связанные с ней виды материальной культуры (жилище, одежда, пища), посредством которой люди не только приспосабливаются в процессе заселения территорий к той или иной природной среде ("экологической нише"), но и преобразовывают в той или иной степени саму эту среду, создавая "культурные ландшафты". Вместе

⁷ Бунак В.В. Об акклиматизации человеческих рас и сравнительном значении определяющих ее факторов //Русский антропологический журнал, т. 13, 1924

⁸ Например, избыточные термические условия из поколения в поколение способствовали уменьшению массы тела и явно выраженной длинноногости, тогда как пониженные температуры стимулировали массивность тела и коротконогость (Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека. - М., 1977, с.4).

⁹ Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии //Советская этнография, N1, 1983; Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). - Ереван, 1984

¹⁰ См. подробнее: Козлов В.И. Этническая экология. Становление дисциплины и история проблем. - М.: ИЭА РАН, 1994

с тем, в систему жизнеобеспечения входят и различные виды или компоненты духовной культуры, среди которых можно выделить группу тех ее видов, которые участвуют в этом жизнеобеспечении непосредственно (опыт традиционного природопользования, народные знания, традиции брачности, детности, воспитание нового поколения и др.) и группе тех ее видов, которые участвуют в этом жизнеобеспечении косвенно. К последним может быть отнесено и большинство религиозных установок и правил.

В этнической экологии имеется еще один важный аспект, которому до сих пор уделяется в исследованиях очень мало внимания. Речь идет о неблагоприятном влиянии среды на организм человека, приводящему к нарушению его деятельности (т. е. к болезни), к преждевременной смерти. Целью процессов биологической и хозяйственно-культурной адаптации является не только удовлетворение жизненно важных потребностей человека, но и, в конечном итоге, предотвращение или ослабление болезней и вымирания.

Подавляющее число этнических общностей Земного шара проживает более или менее компактно, т. е. расселены на вполне определенной (этнической) территории (нередко занимаемой совместно с другими общностями), характеризующейся некоторыми условиями географической среды. Особенности местности преимущественного расселения влияют на картину заболеваемости и смертности в среде соответствующих общностей. Специалисты смежной дисциплины - медицинской географии - определяют региональные особенности заболевания населения термином "географическая патология", природа которой может носить непаразитарный характер (из-за неблагоприятных термических условий, факторов излучения, геохимии¹¹) и характер региональной эпидемии, связанной с распространением инфекций и инвазий.

Болезни непаразитарного типа, связанные с региональными факторами среды обитания, могут быть вызваны как физическими явлениями (термический режим, солнечное излучение, электромагнитные поля, влажность, ветровой режим, химический состав почвы и воды), так и биотическими факторами. К числу заболеваний в результате воздействия биотических факторов местной среды относятся многие виды аллергии, отравления, ранения и смерти от нападения диких животных, хищных рыб, пресмыкающихся, насекомых. Некоторые исследователи также склонны причислить к группе региональных заболеваний, имеющих биотическую природу, бешен-

¹¹ Установлено, к примеру, что человек не может постоянно находиться на высоте свыше 5 тыс. м из-за "горной болезни", равно как и в ледовых районах при постоянных морозах.

ство, распространяемое от диких и домашних животных на локальные группы населения.

Особое место среди непаразитарных болезней занимают заболевания сердечно-сосудистые, нервные и др., вызванные нездоровым образом жизни или вредными привычками, например, употреблением алкоголя или наркотиков. В распространении таких болезней обнаружены некоторые региональные и этнокультурные различия. К числу подобных болезней относится и большинство видов рака, распространение которых тесно связано с химическим составом воды и пищи. Так, распространение рака желудка в Исландии объясняется частым употреблением в пищу копченой рыбы, а среди казахов и некоторых других кочевых в недавнем прошлом народов - употреблением очень горячего чая и жареного мяса, в Турции - горячих блюд с острыми специями.

Основная масса паразитарных болезней имеет зонально-региональное распространение, связанное прямо или косвенно с определенными климатическими и ландшафтными особенностями местности. Например, распространение малярии, от которой еще недавно страдало население Кавказа, Средней Азии, Поволжья, ограничено ареалами распространения переносчика - малярийного комара, типичными местами обитания личинок которого являются мелководные хорошо освещаемые водоемы с густой растительностью - побережья озер и равнинных рек. Известно также, что эндемические очаги чумы связаны с ареалами расселения соответствующих грызунов сухих степей и полупустынь. Исследования одного из немногих в мире Противочумного центра в Ставрополье подтверждают эти наблюдения. Определенные географические рамки имеет клещевой энцефалит, распространение которого характерно для лесной, прежде всего таежной зоны, где сосредоточены основные носители инфекции - иксодовые клещи и их переносчики - пушные звери.

Обитая в течение многих столетий и даже тысячелетий в эндемических ареалах распространения болезней, люди в той или иной степени биологически приспособлялись к таким болезням, у них вырабатывался более или менее стойкий иммунитет и другие защитные свойства организма. Достаточно показательным в этой связи является тот факт, что в регионах Южной и Восточной Азии, где в прошлом свирепствовала чума, теперь имеется очень мало людей с группой крови "О", более подверженных этой болезни, и преобладают люди с группой крови "В", оказывающей болезни наибольшее сопротивление. В силу значительной эндогамности этнических групп подобные процессы приводили к тому, что одни общности оказывались более стойкими по отношению к некоторым болезням, другие - менее. Так, корь, бывшая в Европе относительно легким заболева-

нием, оказала фатальное воздействие на аборигенные народы Америки и Океании, в то же время в Азиатских странах и в Африке, куда корь также проникла вместе с европейскими колонистами, болезнь не имела существенного распространения.

Даже не будучи специалистом-медиком, нетрудно представить, что крестьянин-рисовод, живущий в тропическом климате и работающий на полузатопленных полях, по видам своих болезней существенно отличается от кочевников степной зоны, а те, в свою очередь, от земледельцев умеренной зоны. При этом этнокультурные различия групп зачастую определяют различную картину заболеваемости в пределах одного и того же ареала расселения. Так, если для азербайджанского населения средней и низкогорной полосы Большого и Малого Кавказа в наибольшей степени характерно распространение желудочно-кишечных заболеваний ("болезни скотоводов"), то у русских сельских старожилов тех же мест гораздо чаще встречаются сердечно-сосудистые болезни ("болезни земледельцев"), что объясняется не только особенностями хозяйственной деятельности и генетической предрасположенностью, но также значительной спецификой быта, питания и, кроме того, особенностями традиций самолечения - приемов народной терапии и медицины. Расселение, хозяйственно-культурная деятельность и быт этнических общностей определяют особую картину их заболеваемости, равно как и специфику возможностей сопротивления болезням и выживания.

Важнейшим аспектом этнической экологии является изучение питания. Существует даже особая субдисциплина - этнография питания или этнографическая диетология. Значение ее определяется тем обстоятельством, что именно питание обеспечивает основной энергетический обмен организма человека с внешней средой, составляет основу биологического существования индивида. Лишь в XX в. и только в высокоразвитых странах локальные пищевые экологические связи были существенно разрушены - люди стали потреблять много продуктов из привозного сырья. Вместе с тем и до настоящего времени население во многих регионах мира продолжает существовать за счет употребления в пищу местных растительных и животных продуктов. Кроме того, вне зависимости от межрегионального обмена продуктами и технологиями приготовления, многие системы питания остаются в значительной степени традиционными, выполняют многообразные социально-культурные функции, в том числе и обрядово-ритуальные.

Еще одно важное направление этнической экологии - демографические исследования, цель которых состоит в изучении особенностей естественного воспроизводства с учетом этнокультурных факторов. Основными составляющими процесса воспроизводства яв-

ляются рождаемость и смертность, разница между показателями которых дает показатель естественного прироста (или убыли) населения, определяющего (наряду с этническими процессами) динамику численности той или иной этнической общности. Наибольшее отношение к этнической экологии имеют этнические особенности заболеваемости и смертности, обусловленные либо биологическими и географическими факторами, либо собственно этническими (культурно-бытовыми) факторами. При изучении рождаемости, составляющей основу естественного воспроизводства населения, учет этнических факторов и религиозных установок, поддерживающих, например, традиции многодетности, имеет еще большее значение. Роль же географо-экологических факторов выступает гораздо слабее и труднее поддается анализу. Необходимо отметить, что распространенное еще недавно представление о существовании каких-то зонально-географических различий между этническими, расовыми группами по возрасту наступления половой зрелости, по плодовитости и даже по сексуальным способностям, оказалось довольно поверхностным. Большинство таких биологических по своей основе различий между народами умеренного и жаркого пояса, между европеоидами и негроидами - очень невелико и уступает различиям между сельскими и городскими жителями одной и той же этнической или расовой принадлежности.

Особое место занимает эколого-демографическая проблема, связанная с закономерностями саморегуляций естественного воспроизводства в определенных условиях среды. Уместно отметить, что в общей экологии численность особей определенного биологического вида в той или иной популяции является одной из важнейших ее характеристик. При этом численность популяции в первую очередь определяется способностью к ее размножению, обусловленной с одной стороны биологическими параметрами воспроизводства (в животном мире - необходимым балансом полов в популяции, продолжительностью вынашивания плода, числом одновременно рождаемых детенышей и т. п.), с другой - возможностями достижения детенышами возраста половой зрелости в данных условиях среды. Однако численность чаще всего рассматривается не столько в абсолютных размерах, сколько в отношении к используемой территории, т. е. в виде показателя экологической плотности. Так, один из зарубежных экологов П. Фарб пишет: "Плотность популяции порой претерпевает значительные колебания, однако в этих колебаниях есть верхний и нижний пределы, определяемые потоками энергии в сообществе, ограничениями, налагаемыми климатическими и географическими факторами, местом, занимаемым данным видом в общей экономике сообщества, и, наконец, характером и скоростью метаболизма, свойственного данным организмам. Короче

говоря, конкуренция, хищничество и другие стабилизирующие факторы все время ограничивают популяцию и не позволяют ей превысить определенную максимальную численность"¹². Природная регуляция численности популяции имеет одностороннее действие, т. е. активно ограничивает лишь рост популяции сверх какого-то "оптима". К этому следует добавить и действие стрессовых факторов, возникающих при сильной перенаселенности и приводящих к подавлению полового инстинкта.

В экологии человека биологические по своей сути регуляторы роста численности популяций проявляются чаще всего в скрытом виде. Европейские ученые долгое время полагали, что таких естественных регуляторов вообще нет и, что основными факторами сокращения численности населения является голод, эпидемии и войны. Первым, кто попытался вскрыть объективные закономерности динамики численности населения, был Т. Мальтус. По выдвинутой им концепции, людям свойственно размножаться в геометрической прогрессии, в то время как сельскохозяйственное производство отстает, поскольку растет, якобы, в арифметической прогрессии. Этой концепцией в какой-то мере воспользовались сторонники эколого-демографического "гомеостаза", идеи которой были высказаны еще в начале 1920-х гг. А. Карр-Саундерсом при анализе демографии традиционных обществ (понятие "оптимальной плотности")¹³. В качестве развития этого подхода в отечественной науке известна гипотеза А.Г. Вишневского, в соответствие с которой в первобытном обществе существовало экологическое равновесие, требовавшего "демографического равновесия", и поэтому "социально-культурный механизм приводил рост численности населения в соответствие с границами, которые предписывала природа...". Основными средствами достижения "демографического гомеостаза", по А.Г. Вишневскому, являлись установки на ограничение половых связей, аборт, и детоубийства¹⁴.

В качестве критериев для оценки успешности коллективной адаптации этнических групп в этнической экологии служат такие демографические показатели как уровень естественного воспроизводства и индексы долгожительства (а также показатели долголетия), в некоторых случаях - данные о средней продолжительности жизни. В общей экологии успешность приспособления популяции к среде обитания определяется режимом естественного воспроизводства, прежде всего - способностью быстрого (в соответствующих биоло-

¹² Фарб П. Популярная экология. - М., 1971, с.142

¹³ Carr-Saunders A.M. The Population Problems. A Study of Human Evolution. - Oxford, 1922, p. 200

¹⁴ Вишневский А.Г. Демографическая революция. - М., 1976, сс. 25, 26

гических пределах) размножения и увеличения размеров популяции до оптимального уровня и выше, а также быстрого восстановления эффективной численности в случаях массового вымирания. Применительно к людским популяциям и, соответственно, к этническим группам, такие показатели явно недостаточны. Тот факт, что естественный прирост населения в экономически слабо развитых регионах заметно, а в ряде случаев - намного превышает прирост населения в экономически развитых регионах (сравните по этому параметру страны африканского континента и европейские страны, Южную Америку и Северную, а в России - северокавказские республики и центральные области), отнюдь не означает, что условия среды и система жизнеобеспечения в первых лучше, чем в последних. Как раз наоборот. В этнической экологии общими критериями успешности адаптации служат такие показатели, как структура заболеваемости и смертности (с выделением эндо- и экзогенных причин), а также, как уже было сказано, показатели долгожительства и долголетия.

Показатели естественного воспроизводства (особенно в совокупности с данными о демографической структуре) не теряют своей значимости при изучении демографических перспектив этнических общностей; особенно они существенны применительно к небольшим общностям. Оценка адаптированности этнической группы к среде проживания по режиму воспроизводства не вполне пригодна, т. к. один и тот же естественный прирост может получиться как при сочетании высокой рождаемости и высокой смертности, так и низкой рождаемости - с низкой смертностью. Поскольку основным средством небиологической адаптации является культура, представляется логичным оценить полезность (для успешной адаптации) каждого ее элемента, начиная с хозяйства и материальной культуры, в том числе поселений и жилищ, сезонной одежды и обуви, пищи и др. применительно к конкретным природным условиям (высота местности над уровнем моря, температура и влажность воздуха и т. д.). При этом исследователю приходится выходить на биологию человека, учитывать не только полезность или комфортность элементов культуры, но и их позитивное или негативное воздействие на здоровье, на различные виды заболеваний и в конечном счете на смертность, как в среднем по всей популяции, так и в различных половозрастных группах.

Важнейшими показателями адаптированности общности и ее устойчивости являются коллективные психологические параметры, которые свидетельствуют об уровне так называемой групповой психологической адаптированности. В психосемантической структуре сознания человека существуют довольно устойчивые (консервативные) элементы, через призму которых происходит восприятие окру-

жающей среды, включая не только ландшафты, но и разнообразное социальное окружение, в части которого особое место отведено общностям-"соседям", представляющим иную культуру. Негативные или позитивные результаты адаптации этнической общности проявляются в формировании определенных авто- и гетеростереотипов, т. е. в системе глубинного психологического отношения к собственной общности и окружающим культурам.

Вообще процессы этнокультурной адаптации к новой среде обитания имеют комплексный и многоуровневый характер. Затрагивая по существу все сферы быта и культуры общности, они проявляются также в психологических, демографических и медико-биологических особенностях группы, но с различной интенсивностью и не одновременно. Более того, процессы приспособления в тех или иных сферах жизни отличаются относительной автономностью. Отсюда следует, что оценивать адаптированность этнокультурных групп к среде проживания нецелесообразно каким-то единым сводным показателем. Опыт наших исследований показал, что в этом вопросе нужно подходить дифференцированно, в зависимости от того о какой "части" или сфере адаптации идет речь.

Традиционная система жизнеобеспечения является наиболее важной для бытия этнических общностей. Такое жизнеобеспечение осуществляется на определенной территории (и акватории) с природными условиями, к которым этнические общности исторически адаптируются и которые в том или ином виде отражаются в их сознании и культуре в целом. Поэтому почти любое существенное нарушение уже установившихся традиционных систем жизнеобеспечения со стороны государства, этнических групп, иных субъектов может болезненно отразиться не только в психологической сфере, заложив основу для коллективного противостояния (а затем и конфликта), но и привести к разрушению этнической общности.

Историко-этнографические материалы свидетельствуют о том, что наиболее чувствительными к внешним воздействиям оказываются этнические группы, традиционное жизнеобеспечение которых содержит в своей основе хозяйство "присваивающего" типа - охотники, рыболовы, отчасти - кочевые скотоводы. Их способы выживания, даже в условиях современного мира, в значительной степени состоят в непосредственном потреблении биологических природных ресурсов используемой территории/акватории, а это требует, как известно, сохранения гомеостатического баланса достаточно хрупких антропо-биоценозов, особенно если речь идет о хозяйственных ареалах небольшой величины¹⁵. Такой баланс легко может быть

¹⁵ Присваивающий тип хозяйства долгое время сохранялся, например, у народов таежной и тундровой зон - охотников на морского зверя - эскимосов, части чук-

нарушен в результате хозяйственного (или какого-то иного) вмешательства в систему традиционных природно-хозяйственных (и даже природно-семиотических) связей.

Дальнейшие научные исследования жизнеобеспечения этнических общностей неизбежно должны охватывать все слагающие этого процесса, включая и духовную сферу, с возможной количественной характеристикой отдельных элементов и обязательным анализом их конечных результатов. Последнее представляется необходимым для практических исследований в рамках этноэкологических экспертиз.

Этноэкологическая экспертиза - новое перспективное направление, которое соединяет в себе методологию системных исследований целостных объектов с разнообразными методиками изучения населения и его традиционной среды, и в конечном счете замыкается на моделировании образа жизни этнических общностей в их взаимодействии с окружающими группами населения и природно-хозяйственными условиями.

Означает ли это, что единственным или главным объектом такой экспертизы должна быть этническая общность? Скорее всего нет. Выделение собственно этнических общностей со специфическими этническими связями на деле представляет собой трудно выполнимую задачу, а результат порой столь абстрагирован от реальной сложной картины социальных взаимоотношений, что исследование утрачивает практическую значимость. Этническая общность - это не реальный объект с четко очерченными границами, а научная категория, феномен социального бытия. Для практических исследований следует учитывать, что люди, входящие в состав этнической общности, одновременно входят во множество других видов общностей, начиная от семьи и кончая государством (более того, некоторая часть населения крупных городов мира в значительной степени вообще деэтнизировалась под натиском урбанокультуры). Такая "многомерность" имеет большое, а в современном мире - определяющее значение для коллективного жизнеобеспечения. Поэтому при проведении этноэкологической экспертизы (как, впрочем, и при других прикладных исследованиях) требуется постоянный учет связей изучаемых объектов с более широкими системными понятиями и объ-

чей и коряков, охотников на диких оленей нганасан, таежных охотников эвенков и эвенов, рыболовов и охотников - хантов и манси, чей традиционный образ жизни был основательно разрушен в нынешнем столетии, а сами общности подверглись значительной деградации и ассимиляции. В текущем десятилетии некоторые черты традиционного жизнеобеспечения восстанавливаются, что в значительной степени связано со свертыванием хозяйственной деятельности государства на российском Севере.

ектами, прежде всего с таким понятием как "население". Во многих случаях основным объектом экспертизы может быть только население, а не отдельная этническая общность.

Научное понятие "население" далеко отстоит от житейского представления о населении как о механической совокупности жителей какого-то населенного пункта или территории. Под термином "население" в обществоведении понимается совокупность людей, как социальных сообществ, живущих на определенной территории, будь-то деревня или город, административный район или географическая область, отдельная страна или весь земной шар (для обозначения населения крупных стран и всего мира часто употребляется также термин "народонаселение"). Понятие "население" предполагает, прежде всего, существенные качественные различия группы людей, объединяемой территорией, в частности, очень важен фактор длительности непрерывного совместного проживания. Однако это далеко не все. Робинзона можно именовать "жителем" острова, но нельзя даже вместе с Пятницей назвать "населением", хотя, как всем известно, оба жили на острове достаточно долго. Какова же минимальная численность, чтобы жителей можно было назвать "населением"? Видимо, три человека и более. Но и сама по себе численность - это тоже не критерий. Вряд ли кто назовет "населением" зимовщиков полярной станции, кроме как в переносном значении слова. Необходимым атрибутом понятия является признак постоянства проживания. Причем условием постоянства является не только (и не столько) непрерывная территориальная локализация отдельных жителей, но и, что особенно важно, наличие процесса естественного воспроизводства в пределах той же территории, т. е. смены поколений за счет местных демографических ресурсов. Последнее, в свою очередь, предполагает наличие определенного половозрастного состава жителей и внутренних связей и отношений.

В научном смысле термин "население" близок к употребляющемуся в биологических науках (в частности, в антропологии) термину "популяция". Правда, термин "популяция" предполагает наличие значительной изоляции группы от остальных особей того же типа, в то время как термин "население" подобную изоляцию не предусматривает. Более того, одним и тем же термином "население" можно именовать большие и меньшие группы людей в зависимости от охвата территории. Например, население городского района одновременно входит в состав населения города, а то, в свою очередь, является частью населения административной области. Впрочем, четкого различия между "населением" и "популяцией" нет, и многие этнические (а также этно-расовые и этноконфессиональные) общности, которые также зачастую имеют конкретную территорию расселения, могут рассматриваться как население и как популяция

(иерархическая система популяций). Устойчивое население имеет важнейшую сущностную сторону - способность к процессу естественного воспроизводства, благодаря достаточной численности мужчин и женщин фертильного возраста, объединенных брачно-половыми отношениями, и представляющих собой реальную связь поколений - детей и пожилых, - проживающих на той же территории. Таким образом, понятие "устойчивое население" связано не только с более или менее пропорциональной половой, но и с определенной возрастной структурой, а также с системой семейно-родственных отношений.

"Население" - более широкая категория, чем этническая общность. Для этноэкологической экспертизы важно то, что именно население обычно выступает в качестве основы внутри- и межэтнических связей, общественных и экономических отношений и множества других социальных характеристик (в регионах России в большинстве случаев субъектом социальной жизни является население, а не этнические группы).

Особенность этноэкологической экспертизы (как и базовой дисциплины - этнической экологии) состоит в ее исключительной комплексности по сравнению с другими научными исследованиями, что объясняется, с одной стороны - задачами самой этноэкологической экспертизы (экспертиза стремится определить запас этнокультурной устойчивости населения), а с другой - сложившейся специализацией отечественных наук, которые тоже изучают население (демография - воспроизводство, социология - семейное состояние и социальные институты, экология и специальные направления в медицине - качество условий жизнедеятельности, география - территориальные закономерности).

При проведении этноэкологической экспертизы следует учитывать, прежде всего, численность населения изучаемой территории и параметры его воспроизводства с учетом этнокультурных факторов - брачных и детородных традиций, социально-психологических и этнопсихологических установок.

О биологическом аспекте групповой адаптации

Н. А. Дубова

Для целей этноэкологической экспертизы важнейшее значение имеет понятие "групповая адаптация", т. е. коллективное приспособление людей (зачастую в течение нескольких поколений) к факторам естественно-географического и социально-культурного окружения. Результаты групповой адаптации обуславливают конкретную организацию жизнеобеспечения, состояние этнокультурной среды и медико-демографическое положение населения.

О культурном аспекте адаптации достаточно подробно сказано в разделе *"Методологические основы этнической экологии и вопросы их практического применения"*, написанном В.И. Козловым. Мы же более подробно остановимся на биологической стороне групповой адаптации, знание основных закономерностей которой позволяет специалистам естественно-научного профиля давать квалифицированную оценку разнообразным региональным программам и проектам, оказывающим воздействие на группы населения.

Основной функцией системы жизнеобеспечения любой общности людей, в том числе и этнической, является создание условий для сохранения здоровья каждого члена этой общности. Это достигается выбором удобного места жительства, его инфраструктурного обустройства, созданием комфортного жилища и одежды, соответствующей климату и этнокультурным особенностям местности, рациональным использованием пищевых ресурсов, способами приготовления пищи, выработкой специальных социальных механизмов, способствующих преодолению индивидуальных и коллективных стрессов.

Термин адаптация в самом широком смысле подразумевает процесс, ведущий к увеличению вероятности выживания и репродукции популяции, а также к достижению соответствия оптимумов жизнедеятельности новым условиям среды¹, или же - совокупность реакций живой системы, поддерживающих ее функциональную устойчивость при изменении условий обитания². Для специалистов, принимающих участие в этноэкологической экспертизе,

¹ Лежачичус Э. Элементы общей теории адаптации. - Вильнюс, 1986.

² Шкорбатов Г. Этюды общей теории адаптации //Эколого-физиологические и эколого-фаунистические аспекты адаптации животных. - Иваново, 1986, сс. 3 - 24.

необходимо знать о диапазоне приспособительных возможностей обследуемой группы населения.

Для вида *Homo sapiens* экологической нишей является, по существу, весь земной шар, при освоении которого он создает искусственные "ниши", оптимально комфортные для него как биологического существа. Широко распространено мнение, что человеку как биологическому виду свойственны небольшие адаптационные возможности. Именно поэтому при тех или иных изменениях условий существования (как биологических так и социальных) человек вынужден приспосабливаться к новым условиям путем, прежде всего, социокультурных перестроек.³ Но немало фактов, свидетельствует и о важном значении в этом процессе изменений в популяциях, прежде всего, действует естественный отбор. Широкое распространение сердечно-сосудистых, раковых заболеваний, видимо, и синдрома приобретенного иммунодефицита как раз является наглядным свидетельством действия естественного отбора в человеческих популяциях.

Занимая столь обширные и различные по условиям существования пространства, приспосабливаясь к этим условиям, вид *Homo sapiens* не остался однородным. В разных частях света сложились различные социальные общности, которые имели и зачастую имеют до сих пор свои, почти неперекрывающиеся, брачные круги. Здесь не место дискутировать вопрос о том, как правильнее классифицировать эти социальные, социально-культурные образования. Достаточно, как мне кажется, отметить, что они реально существуют, возникая в определенное время, вступая во взаимодействие с другими общностями, объединяясь, смешиваясь с ними или изолируясь от них, мигрируя по планете в разные периоды истории на различные по протяженности расстояния или оставаясь на том участке территории, где жили предки. Эти и многие другие процессы непосредственно связаны с биологическими возможностями приспособления групп людей к условиям существования.

Биологической наукой давно признано наличие популяционной структуры человечества. Соотношение таких социальных общностей, как "этнос" или "этническая общность" и биологических, как "раса", "популяция", обсуждалось в литературе неоднократно⁴. Да-

³ Меграбян Б.В., Каджян М.Г. Социологические аспекты изучения проблем адаптации человека //Проблемы социальной экологии. Тезисы докладов I Всесоюзной конференции, Львов, 1-3 октября 1986. - Львов, 1986, ч. 2, сс. 76 - 77.

⁴ Дебеч Г. Ф. Расы, языки, культуры //Наука о расах и расизм. - М., 1938; Дебеч Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза //Советская этнография. 1952, №1; Бромлей

лее я исхожу из того, что любая этническая группировка, равно как и региональная общность населения представляет собой большую популяцию или систему малых популяций, являющихся представителями одного или нескольких антропологических типов или малых рас. Малочисленная этническая группа, занимающая ограниченную климатогеографическую зону, при условии, что все популяции, ее формирующие, имеют общую историю сложения, должна быть относительно однородна по своим биологическим характеристикам. Поэтому индивидуальная (внутрипопуляционная, в данном случае и внутриэтническая) изменчивость многих биологических признаков в ней подчиняется статистическому закону нормального распределения.

Однако это в теории. В реальной жизни таких однородных и малочисленных этнических групп очень мало. Прежде всего отметим, что в разных частях ареала достаточно крупной этнической общности климатогеографические и социальные жизненные условия значительно различаются. Внутриэтническая (межпопуляционная) вариация антропологических особенностей в большинстве случаев слагается из вариации значительно отличающихся друг от друга морфо-функциональных комплексов признаков, распространенных в частях ареала и совершенно не обязательно соответствует нормальному распределению. Поэтому изменчивость биологических характеристик, соответствующая кривой Гаусса, может сохраняться лишь на внутрипопуляционном уровне.

Следствием различий по генофондам между этническими группами является и своеобразие резервов адаптивной изменчивости, способности к адаптации каждой из них. Более того, территориальные группы, входящим в этническую общность, могут относиться к одному расовому типу, но могут различаться и по этому критерию. Следовательно, говоря о приспособляемости той или иной группы, мы, безусловно, должны прежде всего представлять себе ее структуру, историю сложения, степень внутригрупповой интегрированности. Биологическая адаптация этнической группы должна рассматриваться как процесс изменения локальных и мик-

Ю. В.. Этнос и эндогамия // Там же. 1968, № 6; Алексеев В. П. Популяционная структура человечества и историческая антропология // Советская археология. 1970, № 3; Он же. География человеческих рас. - М., 1974; Он же. Человек, эволюция и таксономия. - М., 1985; Бунак В. В. Род Ното: его возникновение и последующая эволюция. - М., 1980; Козлов В.И., Чебоксаров Н. Н. Расы и этносы // Расы и общество. - М., 1982, 12; и др.

ропопуляций конкретной социально-биологической системы. Последнее требует некоторого пояснения.

Устойчивые популяции, из которых состоит этническая группа обычно находятся в некотором состоянии равновесия с окружающей средой (численность, плотность, половозрастной состав, комплекс генотипных особенностей и проч.). Такое равновесие достигается за счет выработки различных адаптивных типов, "представляющих собой норму биологической реакции на комплекс условий окружающей среды, обеспечивающей состояние равновесия популяций с этой средой и находящей внешне выражение в морфо-функциональных особенностях популяций. Адаптивный тип независим от расовой и этнической принадлежности. В одних и тех же геоклиматических условиях разные по происхождению группы имеют одно и то же направление приспособительных реакций, так же как в различных условиях обитания близкие в генетическом отношении группы демонстрируют морфо-функциональные различия в соответствии с воздействием окружающей среды"⁵.

При освоении этнической группой новой территории или при изменении условий окружающей среды на месте проживания группы, первой и непосредственной реакцией индивидов является "запуск" физиологических процессов акклиматизации. Хотя среда предъявляет одинаковые требования ко всем членам популяции, реакция каждого из них в результате индивидуальных особенностей бывает различна. Кроме того, воздействие сразу многих стрессоров затрагивает в популяции те адаптивно значимые реакции, которые при стабильных условиях существования на протяжении многих поколений слабо проявляются на групповом уровне и недоступны для исследования. К сожалению, механизм сложения адаптивных типов, этапы закрепления в генофонде популяции экологически выгодных сочетаний признаков в настоящее время не ясен, также неизвестно и необходимое число поколений для генетической фиксации выгодных в данных условиях систем.

Этнокультурная среда обычно содержит механизмы обеспечения этногрупповой устойчивости, например, способы выхода из различных стрессовых ситуаций (обряды, стереотипы поведения). Однако социальные факторы не отменяют необходимости индивидуальных и групповых биологических перестроек, связанных с приспособлением популяций к окружающей среде.

Адаптация многомерной антропологической совокупности (в том числе и этнической), имеющей свою иерархию структурных элементов и их распределение, может изучаться на индивидуальном (онтогенетическом), популяционном и антропогеоценотиче-

⁵ Алексеева Т. И. Адаптивные процессы в популяциях человека, с. 150

ском уровнях. ⁶ Механизм адаптации на каждом из уровней имеет свои особенности. Приспособление на уровне антропогеоценозов заключается в смене хозяйственно-культурных типов и сохранении тех частей популяций, которые имеют морфо-функциональные типы, в наибольшей степени приспособленные к новым условиям жизни или имеющие так называемую широкую норму реакции (возможность приспособления к значительному разнообразию условий существования); на уровне популяций - в избирательной репродукции генотипов (перестройки генотипов и генофонда); на уровне особи - в биохимической, физиологической, поведенческой адаптации (перестройки в пределах нормы реакции).

Процессы индивидуальной адаптации в настоящее время наиболее изучены. По сути говоря, любое изменение условий среды (будь то колебания температуры, влажности воздуха, господствующих ветров и т. д. в зависимости от времени года, а также жизненные успехи или неудачи, например, в трудовой деятельности, семейной жизни, при смене места жительства) является стрессогенным фактором, требующим индивидуальной перестройки. Под стрессом, по Г. Селье, понимается “неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование”⁷. Более того, в последние годы показано, что даже минимальное воздействие на организм, которое не представляется стрессогенным, способно запустить нейроэндокринные механизмы, предназначенные для выживания организма в экстремальных условиях. Примерами подобных воздействий могут быть физическая нагрузка или эмоциональное возбуждение⁸. “Социальные и экономические изменения оказывают по меньшей мере столь же серьезное влияние на здоровье людей, как и медицинское вмешательство”⁹.

Попадая под воздействие стрессора, индивид (в значительной мере бессознательно) соотносит весь свой жизненный опыт с ситуацией, в которой находится. В зависимости от вида и силы действующего стрессогенного фактора, он выбирает или реакцию

⁶ Алексеева В. П. Человек: эволюция и таксономия. Глава: Антропологические совокупности. - М., 1985.

⁷ Селье Г. Стресс без дистресса. - М., 1979, с. 26. Согласно современным представлениям “стресс можно определить как феномен осознания, возникающий при сравнении требования, предъявляемого к личности, с ее способностью справиться с этим требованием” (Тигранян Р. А. Стресс и его значение для организма. - М., 1988, с. 31).

⁸ Тигранян Р. А. Стресс и его значение... с. 73

⁹ Укрепление здоровья и окружающая среда //Женева: ВОЗ, 1976, сс, 7, 8.

“борьбы”, или реакцию “бегства” от него¹⁰. В любой группе какая-то часть населения при изменении условий жизни стремится изменить среду, перемещаясь в другое место жительства, а другая часть пытается приспособиться.

Учитывая данные о полиморфности человека по степени реактивности и устойчивости к воздействию стрессоров, а также результаты, полученные группой под руководством В. П. Казначеева о связях способности индивида противостоять раздражителям с конституциональными особенностями организма¹¹, можно сделать вывод о том, что успешность адаптации популяции и этнокультурной группы в целом к условиям существования находится в большой зависимости от биологических особенностей входящих в нее индивидов.

Для “создания” наилучших адаптационных возможностей, человеку современного вида свойственны относительно широкие пределы изменчивости индивидуального развития. Это позволяет каждому человеку с одной стороны сугубо индивидуально, а с другой - только с помощью группы, в которую он включен, адаптироваться к условиям окружающей среды. Для облегчения процесса постоянного приспособления, в группе выработаны свои специфические механизмы, реализуемые через этнокультурную среду в виде традиций и этнических стереотипов (см. подробнее раздел “Этнокультурная среда”).

Понятно, что только очень незначительная часть поведенческих реакций человека обусловлена генетически. Это самые простые реакции, например, рефлекторное отдергивание руки. Большая же часть поведенческих актов приобретается при индивидуальном развитии в процессе социализации, т. е. по сути в течение всей жизни человека.

Преодолеть воздействия того или иного стрессора без значительного ущерба для себя легче, если использовать коллективный опыт. Коллективный опыт, составляя основу этнокультурной среды, накапливается исторически и передается из поколения в поколение не только на сознательном, но и на бессознательном уровне. Впрочем, благодаря отсутствию жесткой нейроэндокрин-

¹⁰См. Дубова Н. А. Биологические аспекты этнической экологии //Этническая экология. Теория и практика. - М., 1991, сс. 85-87; Дубова Н.А., Комарова О. Д. Демографическая структура и принятие решения о выезде //Этнографическое обозрение, 1994, N 5, сс. 88,89.

¹¹ Казначеев В. п., Казначеев С. В. Адаптация и конституция человека. - Новосибирск, 1986, сс. 25, 26; Казначеев В. П. Современные аспекты адаптации. - Новосибирск, 1980.

ной регуляции функционирования организма, бессознательное поведение индивида далеко не во всех случаях укладывается и этнокультурно- и генетически запрограммированный набор вариантов.

Экологическая пластичность (возможность и успешность приспособления к большому разнообразию условий существования) популяции тем больше, чем более полиморфны по своим реакциям на среду, по адаптивным стратегиям индивиды в составе популяции¹². Не исключен и второй путь стратегии адаптации на популяционном уровне - повышенная выживаемость в поколениях, характеризующихся более пластичной формой индивидуальной адаптации людей. Н.Н. Василевским описаны категории лиц (группа адаптивная и группа с пониженным уровнем адаптации), характеризующиеся разным способом организации нервных процессов, устойчивостью и реактивностью, определяемой по электроэнцефалограммам¹³, а результаты исследований В.В. Аршавского с коллегами свидетельствуют, что на северо-востоке России, в суровых климатогеографических условиях, происходит отбор на более адаптивный - правополушарный тип реагирования. Кроме того, показано, что в процессе адаптации на Севере уменьшается иммунное и генетическое разнообразие¹⁴.

Каковы же критерии успешности биологической адаптации группы? Одним из таких показателей принято считать оценку состояния физического здоровья населения. Под "здоровьем" понимается "процесс социально-исторического развития биологической и психосоциальной жизнеспособности населения в ряду поколений, повышения трудоспособности населения в производительности коллективного труда, роста экологического доминирования, совершенствования вида *Homo sapiens*"¹⁵. Как правило, ведущими критериями состояния здоровья группы людей являются виды и количество тех или иных заболеваний (острых и хронических)¹⁶, физическое разви-

¹² Schuh J. Rhythmisierung. Adaptation-Strategie //Wiss. Z. Humboldt-Universität. Math-Naturwiss. R. - Berlin, 1986, Bd. 35. S. 233 - 236.

¹³ Васильевский Н. Н. Экологическая физиология мозга. - Л., 1979.

¹⁴ Аршавский В. В. Особенности межполушарных взаимоотношений у коренного и пришлого населения Северо-Востока: Вопросы адаптации и медико-педагогические аспекты. - Магадан, 1985, ч. 1, 2. (Препринт / Ин-т биолог. проблем Севера); Аршавский В. В., Гельфгат Е. Л., Соловечук Л. Л. Адаптационная роль миграционного отбора в условиях Северо-Востока //Проблемы социальной экологии, ч. 2, сс. 106,107.

¹⁵ Бедный М. С. Медико-демографическое изучение народонаселения. - М., 1979.

¹⁶ См., например: Авцын А. П. Введение в географическую патологию. - М., 1972; Деряпа Н. Р. Биоклиматологические аспекты здоровья населения: метео-

тие и другие санитарные и демографические (рождаемость, смертность) показатели, а также распространенность среди населения таких “социальных болезней” как алкоголизм, наркомания, курение, частота суицида (самоубийств). В результате группы населения, выделяемые по территориальному признаку, характеризуются за определенный период среднестатистическим отношением практически здоровых людей и больных острыми и хроническими болезнями, а также числом родившихся и умерших¹⁷.

Но тут же возникает проблема определения понятия “практически здоровый”. Даже наличие у индивида инфекционного или простудного заболевания, травм, части наследственных заболеваний не всегда можно диагностировать. Что же касается функциональных расстройств, нарушений обмена веществ, то в этих случаях граница между патологическими состояниями и нормой крайне неопределенна. Например, невропатолог, оценивая неврологический статус пациента, как правило, в любом случае ставит какой-либо диагноз, т. е. фиксирует наличие того или иного заболевания. Несколько в меньшей степени это касается физиологических показателей крови. Но при широком белковом полиморфизме и здесь возникает проблема отнесения показателей к норме или к патологии¹⁸.

В настоящее время среди специалистов биологов и медиков все шире распространяется мнение о необходимости выяснения региональных норм и определения степени отклонения показателей индивида или группы именно от них. Общие закономерности ростовых процессов, изменчивости физиологических и морфоло-

тропные болезни //Климат и здоровье человека: тезисы докладов Междунар. симп. ВМО/ВОЗ/ЮНЕП, Ленинград, 22 - 26 сентября 1986 г. - Л., 1986, с. 19; Meade M. S. Geographic analysis of disease and care //Ann. Rev. Publ. Health. Palo Alto, 1986, Vol. 7, pp. 313 - 335; Ishii T., Newman W. P. et all. Coronary and aortic atherosclerosis in young men from Tokyo and New Orleans //Lab. Invest., 1986, Vol. 54, N 5, pp. 561 - 565; Folstein S. E., Chase G. A., Wahl W. E., et all Huntington Disease in Maryland: Clinical aspect of racial variation //Amer. J. Hum. Genetics, 1987, Vol. 41, pp. 168 - 179.

¹⁷ Рященко С. В. Медико-географические исследования в изучении экологии человека //Проблемы экологии человека., сс. 80 - 81.

¹⁸ Полагают, что у человека около 5000 генов, в которых закодированы ферментные и структурные белки. Каждый же синтезированный белок может иметь такое же большое число всевозможных вариантов. См., например: Хорст А. Молекулярно-биологические основы патогенеза //Перспективы медицинской генетики. - М., 1982, с. 43.

гических характеристик изучены для высокогорья¹⁹, тропиков²⁰, аридной зоны²¹, а также для условий Крайнего Севера, континентальной зоны Сибири и в умеренном климате²². Именно на основании такого рода исследований Т. И. Алексеевой сформулирована концепция адаптивных типов, о которой говорилось выше²³. Следовательно, для различных географических зон абсолютные нормы медико-биологических показателей должны быть разными.

Не менее сложен вопрос об определении “возрастных норм” показателей. Часть исследователей считает, что для каждой возрастной подгруппы могут быть свои допустимые пределы вариаций таких характеристик, как артериальное давление, пульс, различные показатели крови, количественное содержание гормонов и других веществ в крови и проч., которые необходимо рассматри-

¹⁹ Щекочихина Л. К. Материалы к изучению поло-возрастных и территориальных вариаций уровня гемоглобина в крови здорового человека // Вопросы антропологии, 1970, вып. 36; Миррахимов М. М., Гринштейн Б. Я., Джалобаев А. Д. Гематологические исследования в условиях высокогорья Тянь-Шаня и Памира // Материалы симпозиума “Высокогорье и красная кровь” и конференции “Высокогорье и лекарства”. - Фрунзе, 1968; Бейкер П. Адаптивные возможности высокогорных популяций // Биология жителей высокогорья. - М., 1981; Harrison Q. A. et al. The effects of altitudinal variation in Ethiopian populations // Phil. Trans. Roy. Soc. of London, 1969, Vol. 256, p. 805; Baker P. T. Adaptation problems in Andean human population // The ongoing evolution of Latin American populations. Ed. F. M. Salzano. - Springfield (Ill), 1971.

²⁰ Ojikutu R. O. Die Adaptation der Africaner in Henotheisses Klima Nach Thermoregulatorischen Funktionstest // Homo, 1970, Bd. 21, N 1; Crognier E., Adaptation Morphologique d'une Population Africaine au Biotope Tropical: les Sara du Tchad // Bull. et Mem. de la Soc. d'Anthropologie de Paris, 1973, t. 10, ser.13; Johnston F. E., Boiden M., Macvean R. Height, weight and their growth velocities in Gvatemalan private school children of high social class // Human biology, 1973, Vol. 45, N. 4.

²¹ Волков-Дуборовин В. П. и др. Морфо-физиологические исследования населения аридной зоны. Туркмения. Ч. 1, Текинцы Ахала // Вопросы антропологии, 1975, вып. 50; Щекочихина Л.К. Материалы к изучению...; Авазбакиева М. Ф. Сравнительная характеристика физиологических сдвигов в организме человека при адаптации к условиям гор и пустыни // Адаптация человека. - Л., 1972;

²² Основные исследования выполнены группами под руководством Т. И. Алексеевой и нашли отражение во многих публикациях. Результаты обобщены в кн.: Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. - М., 1977; Она же. Адаптивные процессы в популяциях человека. - М., 1986, с. 150

²³ Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека; Она же. Адаптивные процессы в популяциях человека...

вать как возрастную норму. Старение организма в этом случае не признается болезнью, а считается, что в результате возрастного снижения приспособительных возможностей организма создаются предпосылки возникновения болезней²⁴. Другие специалисты считают, что в 20-25 лет развитие организма заканчивается, в эти годы смертность от всех главных неинфекционных болезней минимальна. Поэтому предлагается принять определенные показатели²⁵, свойственные человеку в этом возрасте, за норму (конечно, если считать, что человек в этот период не болен). Эта норма - тот идеал, к сохранению которого необходимо стремиться при профилактике нормальной возрастной патологии²⁶. Все аналогичные показатели детского периода также должны оцениваться как стремящиеся к этой норме (отсюда можно определить и относительную скорость происходящих в организме возрастных преобразований), а все нормальные изменения характеристик, свойственные более старшим возрастам, могут считаться нормальной физиологической болезнью. Другими словами, старость - это нормальное болезненное состояние, свойственное всем, правда, не всегда в одном возрасте. Для практической медицины, безусловно, важно, - считать или нет старость болезнью, лечить или не лечить, например, гипертонию у 70-летнего человека. Однако перечисленные точки зрения не отрицают, что с возрастом усиливаются патологические процессы.

²⁴ См., например, Давыдовский И. В. Геронтология. - М., 1966; Токарь А. В. Артериальная гипертония и возраст. - Киев, 1977; Фролькис В. В. Старение нейрогуморальные механизмы. - Киев, 1981; Он же. Старение и увеличение продолжительности жизни. - Л., 1988.

²⁵ Предлагается введение так называемого "Паспорта здоровья", включающего следующий набор показателей: содержание жира в теле, уровень в крови липопротеидов и триглицеридов, уровень холестерина (холестерина в составе липопротеидов высокой плотности), количество сахара в крови натощак и через 2 часа после приема внутрь 100 г. глюкозы и величина артериального давления. Там, где возможно, одновременно рекомендуется определять содержание в крови инсулина или С-пептида, а также гликолизированного гемоглобина, отражающего колебания уровня глюкозы в крови за несколько недель. См.: Дильман В. М. Четыре модели медицины. - Л., 1987, с. 195.

²⁶ Мильман М. С. Учение о росте, старости и старении. - Баку, 1926, с.3; Дильман В. М. Указ. раб. сс. 195, 196 и др.

Высказываются также мнения, что поколения отличаются по генофондам друг от друга²⁷. Это приводит к различиям (пусть даже небольшим) в генетической предрасположенности или резистентности детей к одним, а родителей - к другим заболеваниям. Индивидуальная предрасположенность находит свое объяснение в различных реакциях, происходящих в живом организме и связанных со взаимодействием и распадом белковых молекул, которые у человека, как это уже отмечалось, крайне полиморфны. Поскольку и биохимический полиморфизм популяций, в том числе принадлежащих к одной этнической группе, является общеизвестным фактом, то вполне логично рассматривать и этно-территориальные группировки (локальные популяции) и поколения внутри них также в большей или меньшей мере предрасположенными к отдельным нозологическим формам заболеваний. Надо специально подчеркнуть, что такая предрасположенность с одной стороны находится в зависимости от давления среды, а с другой - от экологической пластичности популяции, связанной с дифференциальной плодовитостью и смертностью.

В соответствии с вышесказанным, для каждой возрастной категории можно определить набор характерных величин морфологических и функциональных признаков, а также заболеваний, а затем определить влияние изменений окружающей среды на данную популяцию с учетом возрастной динамики различных показателей. Недоучет возрастных различий может привести к необоснованным выводам о степени благополучия населения конкретной территории по состоянию здоровья.

²⁷ См., в частности, пример учета генетических различий между поколениями: Rogers A. P., Harpending H. C. Migration and Genetic Drift in Human Population // *Evolution*, 1986, Vol. 40, N 6, pp. 1312 - 1327

3.

Ситуация с прикладными этноэкологическими исследованиями в зарубежной этнологии

А. Н. Ямсков

За рубежом исследования этнологов всегда имели некоторое прикладное значение. Однако именно с 1980-х гг. принципиально новой линией развития этнологии (культурной антропологии) стала ориентация значительной части профессионалов на практическую деятельность как основную форму своей научной работы, включающую консультирование и экспертизу по заказам частных, государственных и международных организаций. Все чаще в эту сферу деятельности ныне вовлекаются и те специалисты, которые трудятся в университетах или исследовательских центрах, совмещая академические исследования с сугубо практической работой.

Вот некоторые данные об ученых США. Из числа защитивших докторские диссертации по антропологии (включая физическую и культурную антропологию, археологию и лингвистику), в начале 1970-х гг. на "академические" должности уходило 80-90% ученых, в середине 1980-х - 50-60%, в начале 1990-х гг. - около 70%. Остальные находили работу вне университетов, многие становились практиками в составе государственных, частных или международных организаций ненаучного профиля, либо частных консалтинговых фирм¹. В начале 1990-х гг. среди всех членов Американской антропологической ассоциации, численностью примерно 11 тыс. чел., около 20% работали в "неакадемической" сфере и почти 50% считали именно прикладную антропологию основной областью своих интересов.

С 1941 г. в США действует созданное еще при участии Маргарет Мид "Общество прикладной антропологии" (Society for Applied Anthropology), которое издает с 1978 г. свой журнал "Прикладное применение антропологии" (Practicing Anthropology). Кроме этого, в 1983 г. в рамках Американской антропологической ассоциации была образована "Национальная ассоциация по прикладному применению антропологии" (National Association for the Practice of

¹ Ширли Фиске и Э.Чэмберс приводили эти факты и цифры в своем докладе на симпозиуме "Антропология в политике и практике", работавшем в рамках XIII МКАЭН (г. Мехико, август 1993 г.) - см.: Fiske Sh., Chambers E. The Institutionalization of Practice in the United States. Paper for the 13th ICAES, Commission on Anthropology in Policy and Practice. - Mexico, August 1993

Anthropology), также регулярно издающая свой "Бюллетень". Ассоциация провела анкетирование своих 900 членов в 1990 г., по итогам которого оказалось, что около четверти из них работает в "неакадемической" области. Среди них 25% являются либо независимыми консультантами, либо возглавляют (выступают соучредителями и ведущими экспертами) малых консалтинговых фирм, а еще 7,5% служат в средних (более 100 работников) и крупных консалтинговых фирмах и организациях. Лишь 4% среди "практиков" заняты в крупных частных корпорациях. В государственных организациях работают 25,5% этнологов-практиков².

Профессиональные ассоциации и общества специалистов по прикладной этнологии (культурной / социальной антропологии) уже в конце 1980 - начале 1990-х гг. действовали в Великобритании, Канаде, Франции и других странах Запада³. Среди государств Третьего мира практическая этнология получила наибольшее развитие в Индии, Мексике и Перу, где имеются соответствующие государственные исследовательские и административные учреждения⁴.

В свете вышесказанного вполне естественным представляется тот факт, что на XIII Международном конгрессе антропологических и этнологических наук (г. Мехико, 1993 г.) была создана новая Комиссия Международного союза антропологических и этнологических наук (МСАЭН) "Антропология в политике и практике" и проведен одноименный симпозиум. Одним из первых шагов новой Комиссии МСАЭН стала подготовка к своему следующему симпозиуму уже на Интерконгрессе МСАЭН в 1995 г. (г. Флоренция)⁵. Стоит отметить, что Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва) участвовал как в подготовительной работе по организации новой Комиссии, так и в ее первом симпозиуме.

² Там же

³ Baba, Marietta L. IUAES Commission on Anthropology in Policy and Practice. A Proposal, March 1992

⁴ Van Willigen, John. Anthropology in Use: A Source Book on Anthropological Practice. - Boulder: Westview Press, 1991

⁵ IUAES Commission on Anthropology in Policy and Practice. Memorandum, September 1, 1993. (Prepared by Commission Chair M. Baba). В силу ряда организационных проблем, первое после XIII МСАЭН рабочее заседание этой Комиссии МСАЭН перенесено на проводящийся в августе 1996 г. в г. Линкопинге (Швеция) объединенный Конгресс Международного Географического Союза и Международного Союза Антропологических и Этнологических Наук, см.: Baba M., Hill C. (eds.) The Global Practice of Anthropology. - Detroit: College of William and Mary Press, 1996

Появление новой постоянной комиссии в МСАЭН символизирует успешное развитие прикладных этнологических исследований в последние годы во многих странах мира и признание международным научным сообществом этнологов и антропологов прикладных исследований как весьма важной области знания.

В 1990-е гг. были опубликованы два авторитетных библиографических справочника по прикладным исследованиям в антропологии и социологии англоязычных стран мира - расширенное переиздание аннотированной библиографии научных публикаций по прикладной антропологии, составленной Джоном ван Уиллигеном⁶ и аннотированная библиография прикладных антропологических и социологических исследований 1975 - 1993 гг., подготовленная экспертами и постоянными консультантами Всемирного Банка⁷

Оба справочника скорее дополняют, нежели перекрывают и дублируют друг друга. Составитель второго справочника, М. Черны, сконцентрировал свое внимание на сугубо специализированных "прикладных" исследованиях, заказанных и выполненных в рамках проектов экономического развития (development projects) Всемирного Банка, либо подготовленных участниками подобных проектов. Эти исследования мало известны за пределами круга ученых, сотрудничающих с Всемирным Банком и другими международными агентствами по оказанию экономической помощи. Дж. ван Уиллиген, напротив, составил библиографию в основном по материалам публикаций в широко известных академических научных журналах, коллективных монографиях и бюллетенях по прикладной антропологии⁸.

Библиографии, взятые вместе, дают хорошую и довольно полную картину современного тематического состава прикладных антропологических исследований в англоязычной культурной / социальной антропологии и этнологии. Однако даже в сумме эти библиографии вряд ли могут считаться абсолютно исчерпывающими по тематике прикладных антропологических исследований. Оба составителя сочли необходимым подчеркнуть, что они не претендуют на полный библиографический обзор ни в рамках науки в

⁶ van Willigen J. *Anthropology in Use: A Source Book on Anthropological Practice*. - Boulder: Westview Press, 1991

⁷ Cernea M., with A. Adams. *Sociology, Anthropology, and Development: An Annotated Bibliography of World Bank Publications 1975 - 1993*. - Washington: The World Bank, 1994

⁸ Serageldin I. Foreword // Cernea M. with A. Adams. *Sociology, Anthropology, and Development: An Annotated Bibliography of World Bank Publications 1975-1993*. - Washington: The World Bank, 1994

целом⁹, ни даже в области публикаций экспертов и консультантов Всемирного Банка¹⁰.

Руководствуясь данными авторитетными источниками, постараемся выявить удельный вес и тематический состав этноэкологических исследований в общем массиве работ по прикладной антропологии.

Каковы отличительные признаки этноэкологических исследований? Вероятно, это все те работы, в которых обычное для этнологии /культурной антропологии/ исследование культурных особенностей населения сочетается с (1) вопросами природопользования, будь то в области сельского хозяйства (земледелия и скотоводства), рыболовства, лесного хозяйства, охоты и собирательства, или же в рамках мероприятий по охране природы и выделению охраняемых территорий; (2) изучением адаптации групп к социокультурной и природной среде и анализом тенденций изменения среды, а также возможным воздействием указанных изменений на культуру и образ жизни населения¹¹.

Оба библиографических обзора построены по тематическому принципу группировки аннотаций, причем каждое аннотированное исследование упоминается только однажды. Уровень обобщения, применяемый авторами при выделении тематических группировок аннотаций, не вполне сопоставим - М. Черны оперирует 6 группами, разделенными на 26 подгрупп, а Дж. ван Уиллиген - 47 тематически выделенными группами аннотаций. Кроме того, М. Черны в отдельную группу относит "внутренние" публикации Всемирного Банка.

Для сопоставимости нам приходится применять свою, естественно, более генерализованную группировку. Структурированный таким образом массив аннотаций, относящихся к этноэкологии, мы далее распределяем по тематическим направлениям исследований¹².

⁹ van Willigen J. *Anthropology in Use: A Source Book on Anthropological Practice*. - Boulder: Westview Press, 1991, pp. 2, 7

¹⁰ Cernea M., with the assistance of April Adams. *Sociology, Anthropology, and Development: An Annotated Bibliography of World Bank Publications 1975 - 1993*. - Washington: The World Bank, 1994, p. 5

¹¹ Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии //Советская этнография, 1983, N 1

¹² О тематике этноэкологических исследований см.: Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические функции //Этническая экология: Теория и практика. Ред.: Козлов В.И., Дубова Н.А., Ямсков А.Н. - М.: Наука, 1991; Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология //Этнология в США и Канаде. Ред.: Веселкин Е.А., Тишков В.А. - М.: Наука, 1989

Библиографический обзор Дж. ван Уиллигена содержит 530 аннотаций. Однако 55 аннотаций входят в малоинформативные либо узкоспециализированные разделы "Предыстория" (9 аннотаций), "Раннее развитие дисциплины" (7 аннотаций), "Вопросы этики" (3 аннотации), "Публикации" (15 аннотаций), "Исследовательские и профессиональные организации" (21 аннотация). Такие аннотации, как правило, невозможно классифицировать на входящие и не входящие в сферу этноэкологии, поэтому в дальнейшем они учитываться не будут. Из библиографии ван Уиллигена ниже анализируются только 475 аннотаций, входящих в выделенные самим Дж. ван Уиллигеном 42 подраздела его основного раздела "Примеры практического применения антропологии". Библиографический обзор М. Черны включает в общей сложности 413 аннотаций.

Таким образом, Дж. ван Уиллиген и М. Черны составили похожие в количественном отношении списки аннотированных изданий, но следует иметь в виду, что в случае с библиографией М. Черны речь идет о прикладных исследованиях в области социальных наук в целом, включающих антропологию и социологию. Результаты нашей группировки представлены в таблицах 1 и 2.

На основе таблицы 1 можно сделать следующий вывод: в библиографии Дж. ван Уиллигена примерно 25% аннотаций, а в библиографии М. Черны - 34% аннотаций представляют публикации, которые можно с полным правом отнести к сфере прикладной этноэкологии. В обоих случаях "этноэкологический блок" существенно превосходит любой другой по количеству прикладных исследований в антропологии (у ван Уиллигена) или в антропологии и социологии (у М. Черны).

Высокий удельный вес этноэкологических (эколого-антропологических) работ среди всех исследований по прикладной антропологии не должно вызывать особого удивления. Есть все основания думать, что именно этноэкологическая составляющая

Таблица 1

Тематика прикладных антропологических исследований	Библиография Дж. ван Уиллигена (van Willigen, 1991)	Библиография М. Черны (Cernea, 1994)
--	---	--------------------------------------

	475 назв.=100%	413 назв.=100%
Этническая экология	25%	34%
Медицинская и демографическая антропология, включая проблемы питания, алкоголизма, наркомании	17%	1%
Экономические проблемы, в т. ч. сельского хозяйства, промышленности, городов, рыболовства	9%	19%
Проблемы управления и самоуправления, социального развития	17%	17%
Социальная структура и стратификация, безработица, бедность	5%	5%
Права меньшинств (этнических и аборигенных, языковых, конфессиональных, расовых); конфликты	6%	1%
Образование (школьное, высшее); подготовка администраторов	12%	18%
Прочая проблематика	10%	5%

прикладных исследований будет и далее приобретать все большее значение, поскольку все еще продолжается распространение и развитие новой парадигмы социально-экономического развития, включающей представление об "экологически устойчивом развитии (environmentally sustainable development)" в качестве своей неотъемлемой части. В рамках этой парадигмы разработка программ экономического развития, финансовой помощи и коммерческих инвестиций предполагает синтез усилий экономистов, экспертов в области финансов, экологов, социологов и антропологов¹³. В России все большему числу специалистов, причастных к практике социального управления, ориентированных на практические разработки, будет требоваться специальная подготовка в области прикладной этноэкологии, систематизированное направление которой представлено в отечественной науке этноэкологической экспертизой.

¹³ Serageldin I. Foreword //Cernea M. with A.Adams. Sociology, Anthropology, and Development: An Annotated Bibliography of World Bank Publications 1975-1993. - Washington: The World Bank, 1994

Как отмечает М. Черны, его библиография отражает участие ученых общественных наук в разработке и осуществлении программ экономического развития. В ней представлены работы экспертов, состоящих в штате Всемирного Банка и исследования постоянных консультантов Всемирного Банка, работающих в университетах и других научных центрах. Ныне Всемирный Банк является, видимо, самой большой организацией в мире, где на постоянной основе работают специалисты в области прикладной антропологии, социологии и политологии¹⁴.

Дж. ван Уиллиген при составлении своей библиографии использовал публикации в журналах и серийных изданиях, таких как: "Practicing Anthropology", "Bulletin of the National Association for the Practice of Anthropology", "Training Manuals in Applied Anthropology". Среди приводимых им названий коллективных монографий по данной проблематике можно выделить, например, изданные в 1980-е гг. книги: Green E. (ed.) *Practicing Development Anthropology*. - Boulder: Westview, 1986; Paine R. *Advocacy and Anthropology: First Encounters*. - St. John's: Memorial University, 1985; van Willigen J., Rylko-Bauer B., McElroy A. (eds.) *Making Our Research Useful: Case Studies in Utilization of Anthropological Knowledge*. - Boulder: Westview, 1989; Wulff R., Fiske Sh. (eds.) *Anthropological Praxis: Translating Knowledge into Action*. - Boulder: Westview, 1987. В данный перечень не включены цитируемые ван Уиллигеном работы по истории и теории антропологии, а также издания, вышедшие до 1980 г. или посвященные отдельным регионам мира.

Ван Уиллиген не дает определения "прикладной антропологии", но в качестве описания ее отличительных черт приводит характеристику четырех этапов развития прикладной антропологии в Северной Америке: (1) до 1860 г. - предыстория; (2) 1860 -1941 гг. - период деятельности "академических" ученых, выступавших в качестве консультантов правительственных учреждений; (3) 1941-1970 гг. - период существенного расширения роли и сферы деятельности ученых-консультантов правительственных и неправительственных учреждений и организаций в области прикладной антропологии; (4) после 1970 г. - период ориентации специалистов на осуществление конкретных проектов и на исследования и разработку методики применения антропологических знаний в практи-

¹⁴ Cernea M., with the assistance of April Adams. *Sociology, Anthropology, and Development: An Annotated Bibliography of World Bank Publications 1975 - 1993*. - Washington: The World Bank, 1994, pp. 1-2, 5

ческих целях, часто сопровождающийся окончательным уходом с "академических" должностей в университетах¹⁵.

М. Черны также не приводит дефиниции "прикладной антропологии и социологии", но подчеркивает, что период использования этих наук в разработке и осуществлении международных программ экономического развития еще совсем невелик - даже во Всемирном Банке быстрый рост числа этих специалистов наблюдался не ранее 1980-х гг., а в некоторых других агентствах по экономическому развитию подобные эксперты до сих пор отсутствуют¹⁶.

Определение отличительных черт этноэкологических исследований восходит к работам профессора В.И. Козлова, заложившего теоретические основы и давшего само определение этноэкологии в нашей стране¹⁷. Сходным образом можно определить преобладающую тематику и исследовательские подходы в зарубежном аналоге этноэкологии - в "экологической антропологии", или, пользуясь другим широко распространенным термином, в "культурной экологии"¹⁸.

В обеих библиографиях этноэкологическая тематика, как видим, преобладает (табл. 1), хотя мы не включали в список этноэкологических работ исследования по медицинской антропологии и социальной демографии. В библиографии М. Черны кажущийся недостаток работ по медицинской и демографической антропологии объясняется спецификой задач Всемирного Банка, поэтому весьма многочисленные проекты, напрямую касающиеся медико-антропологической и социально-демографической проблематики, попали в другие тематические разделы нашей классификации. Например, часть из таких исследований имеет четко выраженную установку на борьбу с бедностью и безработицей ("Социальная структура и стратификация"); на развитие экономики и инфраструктуры соответствующих регионов ("Экономические проблемы"); на реализацию программ развития общин ("Проблемы управления и самоуправления, социального развития"); на усилия по пропаганде здорового образа жизни и планирования семьи ("Образование").

¹⁵ van Willigen J. *Anthropology in Use: A Source Book on Anthropological Practice*. - Boulder: Westview Press, 1991, pp. 3-7

¹⁶ Cernea M., with the assistance of April Adams. *Sociology, Anthropology, and Development: An Annotated Bibliography of World Bank Publications 1975 - 1993*. - Washington: The World Bank, 1994, p. 3

¹⁷ См. упоминавшиеся выше работы.

¹⁸ Козлов В.И., Ямсков А.Н. *Этническая экология // Этнология в США и Канаде*. Ред.: Веселкин Е.А., Тишков В.А. - М.: Наука, 1989

В графе "Экономические проблемы" группируются аннотации исследований, в которых вопросы природопользования вообще не рассматриваются, либо находятся на периферии внимания экспертов. Например, среди 34 аннотаций, включенных Дж. ван Уиллигеном в его раздел "Сельское хозяйство", 13 исследований были посвящены вопросам природопользования и вошли в нашу графу "Этноэкология"; 20 исследований рассматривали вопросы хранения, переработки и маркетинга продукции сельского хозяйства, структуры и типологии крестьянских хозяйств (наша графа "Экономические проблемы"); 1 исследование описывало проблемы социальной стратификации сельского населения (наша графа "Социальная структура и стратификация"). Большая доля исследований по социальным аспектам экономической проблематики в библиографии М. Черны является вполне понятным следствием ориентации Всемирного Банка на внедрение программ экономического развития.

Графа "Проблемы управления и самоуправления, социального развития" включает аннотации исследований и информационных материалов по таким вопросам, как самоуправление общин аборигенного населения (особенно индейцев) и их взаимоотношения с органами государственной власти; самоуправление территориальных общин городского и сельского населения и их взаимоотношения с официальными органами власти; деятельность государственных органов управления в отношении этнических меньшинств; общие проблемы развития общин (территориальных групп населения "community development"); а также многочисленные исследования по общим вопросам социального развития ("development studies"). В последнем случае отнесение исследований к данной графе достаточно условно, ибо трудно однозначно разделить работы по социально-экономическому развитию (графа "Экономические проблемы") и по социальным аспектам экономического развития (графа "Проблемы управления и самоуправления, социальное развитие").

Сравнительно небольшое количество исследований по правам меньшинств в библиографии М. Черны - почти не отражает реальное положение вещей, на самом деле Всемирный Банк подготовил большое количество исследований по проблемам защиты прав аборигенных меньшинств. Однако поскольку в этих случаях практически всегда речь идет о правах аборигенов на землю и на сохранение традиционных форм природопользования и хозяйства, то такого рода исследования включены нами в "Этноэкологию". В данную графу попали также аннотации исследований по вопросам борьбы с расовой и этнической дискриминацией; защиты прав эт-

нических, расовых и религиозных меньшинств; межэтнических конфликтов (Дж. ван Уиллиген), а также самые общие исследования о правах аборигенных народов, ведущих традиционный образ жизни (М. Черны).

В графу "Прочая проблематика" мы отнесли исследования по различным аспектам жилищной проблемы и традиционных союзов. Значительная доля приходится здесь на издания коллективных монографий по прикладной антропологии и социологии (у М. Черны) или на публикации по охране археологических и исторических памятников (у ван Уиллигена). Более половины аннотаций из данной графы в обоих случаях представляют собой те, которые по тематике действительно "не вписываются" в предшествующие графы таблицы.

Теперь обратимся к таблице 2, в которой рассмотрено тематическое разнообразие практических исследований в сфере этноэкологии.

Прежде всего, заметно доминирование в библиографии М. Черны исследований по проблемам культурной адаптации вынужденных переселенцев, что отражает политику Всемирного Банка, направленную на учет прав и интересов жителей, переселяемых из зон затопления при строительстве водохранилищ или с территорий, отчуждаемых для промышленного освоения. Предполагается, что вынужденные переселенцы должны получать адекватную помощь для восстановления исходного уровня жизни и хозяйства и для бесконфликтного включения в среду местного населения при сохранении культурной специфики и социальной организации.

Такого рода исследования широко представлены и в библиографии Дж. ван Уиллигена. Кроме того, в обеих библиографиях

Таблица 2

Тематика прикладных этноэкологических исследований	Библиография Дж. ван Уиллигена (van Willigen, 1991) 117 назв.=100%	Библиография М. Черны (Cernea, 1994) 142 назв.=100%
Адаптация вынужденных переселенцев		
и экономических мигрантов	19%	38%
Права на землю и сохранение социокультурной среды	43%	20%

Природопользование "традиционных" групп населения; типы адаптации в полиэтнических регионах	5%	5%
Адаптация к последствиям катастроф, загрязнений; природопользование и охрана среды	5%	7%
Охрана природы; лесоводство на заселенных территориях	6%	20%
Скотоводство и среда	3%	4%
Неорошаемое земледелие и среда	3%	2%
Орошаемое земледелие и среда	3%	2%
Подсечно-огневое земледелие	3%	-
Рыболовство и морские промыслы	6%	1%
Охота и собирательство	4%	1%

отражены аннотации исследований по адаптации мигрантов из сельских районов в города и по проблемам освоения и заселения ранее неиспользовавшихся территорий. Исследования проблем адаптации политических беженцев этнических мигрантов, столь актуальные для постсоветских государств, в рассматриваемых библиографиях практически отсутствуют.

В свою очередь, ван Уиллиген приводит многочисленные публикации о деятельности комиссий, рассматривавших обращения групп жителей США с требованием признать их индейской общиной и закрепить за ними традиционно используемые в хозяйстве земли. В случаях, когда аннотации отражали проблемы землепользования и традиционного хозяйства, они включались нами в соответствующую графу. Если же такого рода аннотация не содержала информации о землепользовании или традиционном хозяйстве, то тогда мы включали ее в графу "Права меньшинств" и не учитывали в списке этноэкологических исследований.

В обеих рассматриваемых библиографиях представлены также многочисленные аннотации родственной этноэкологической экспертизе исследований по методике и проблематике "оценки социального воздействия" (social impact assessment) проектов экономического развития и конкретных исследований трансформации социокультурной среды в районах, где внедряются крупные проекты и действуют организации местного населения по защите своей

культуры и быта от нежелательных, с их точки зрения, последствий такого внедрения. Сюда же мы относим исследования методов сохранения комплекса природного и культурно-исторического наследия и приобщения современных поколений к этим ценностям.

К категории текстов по адаптации к последствиям катастроф относятся научные работы, изучающие реакцию населения на изменение среды обитания в результате природных и техногенных катастроф (включая особенно сильное промышленное загрязнение), а также деятельность государственных органов и международных организаций по оптимизации сложившихся традиций хозяйства и природопользования в связи с борьбой с загрязнением окружающей среды.

Среди работ, составивших тематический блок по природопользованию, достаточно многочисленны исследования хозяйства отдельных групп земледельцев и скотоводов, особенно тех, которые населяют экстремальные по природным условиям высокогорные или пустынные территории, а также сравнительные исследования хозяйственного уклада и землепользования этнических групп. Например, имеется ряд работ по хозяйству и расселению индейцев, мексиканцев США и "белых американцев" в сельских графствах юго-западных штатов, а также аборигенных и других групп сельского населения в Индии и на Филиппинах.

В тематику "Охрана природы" вошли исследования по хозяйству и природопользованию населения, проживающего на охраняемых территориях (в заповедниках, национальных парках) или же в близости от них. Сюда же относятся вопросы расселения на территориях, где находятся особо охраняемые виды животных и растений. Особую и весьма многочисленную группу аннотаций составили те, что посвящены проблемам охраны и восстановления лесов и древесной растительности на плотно заселенных территориях, в частности, на общинных землях. Поскольку Всемирный Банк особенно активно финансирует проекты по развитию лесного хозяйства и оптимизации лесной промышленности, а также по охране природы посредством восстановления лесного покрова, то данный список аннотаций в библиографии М. Черны оказался особенно значительным.

Остальные тематические блоки можно объединить для анализа группу исследований по хозяйству и природопользованию различных типов доиндустриальных обществ. Показательно примерное совпадение доли исследований по ирригации, богарному пашенному земледелию, кочевому и пастушескому скотоводству, представленных в обеих библиографиях. Что касается "Охоты и собиратель-

ства", то в силу большей практической направленности исследований Всемирного Банка, проблемы собирателей, практикующих сбор продуктов лесных экосистем, рассматриваются в рамках проектов лесного хозяйства в целом и потому они в большинстве своем отнесены нами в графу "Охрана природы". В библиографии ван Уиллигена представлены и специализированные работы по природопользованию групп охотников-собирателей. Отсутствие аннотаций по подсечно-огневому земледелию в библиографии М. Черны на фоне значительной доли таких работ у ван Уиллигена также объясняется большей практической ориентированностью Всемирного Банка: его исследователи склонны рассматривать данный тип хозяйства под углом зрения необходимости его оптимизации (трансформации) для сохранения лесов (и тогда аннотация включается в графу "Охрана природы"), либо просто описывают как один из вариантов природопользования, не имеющий особых перспектив с точки зрения обеспечения экономически эффективного и экологически устойчивого развития (в этом случае аннотация пополняет графу "Природопользование традиционных групп населения"). Исследования по орошаемому и неорошаемому земледелию, кочевому и пастушескому скотоводству представлены в библиографии Всемирного Банка именно как отражение попыток понять конкретные культурные и экологические аспекты функционирования традиционных хозяйственных систем в современных условиях для того, чтобы адаптировать программы экономической помощи к потребностям и возможностям соответствующих групп населения.

Сказанное выше освещает лишь внешнюю и, как кажется, достаточно благополучную сторону развития прикладных этнологических исследований. Особое значение, однако, имеет вопрос о социальном и экономическом эффекте подобных исследований. Иначе говоря, какова же их практическая отдача и можно ли ее как-то оценить?

Пожалуй, наибольший опыт в этом отношении накоплен международными организациями, оказывающими помощь в социально-экономическом развитии стран Третьего мира. Среди подобных организаций наибольшей известностью и наибольшими масштабами исследований выделяется все тот же Всемирный Банк (The World Bank) и одна из его составных частей - Международный Банк Реконструкции и Развития (International Bank for Reconstruction and Development). По свидетельству уже упоминавшегося Майкла Черны - старшего советника в вопросах социальной политики и социологии Всемирного Банка - впервые появившиеся в штате этой организации в 1974 г. консультанты - антропологи и социологи, к настоящему времени значительно упрочили

свои позиции, приобрели заслуженный авторитет и тем самым способствовали созданию соответствующих специализированных подразделений этой авторитетной организации.

Проведенный анализ экономической эффективности проектов, финансируемых Всемирным Банком, показал следующее. Из 57 завершенных проектов 30, более половины готовились при активном участии социологов и этнологов, в чьи функции входила предпроектная проработка социальных и культурных аспектов. При этом средний уровень экономической отдачи составил 18,5%, тогда как для проектов, осуществлявшихся без участия социологов и этнологов, тот же показатель был в два раза ниже - 9%, т. е. в пределах обычных банковских дивидендов без осуществления какого бы то ни было проекта. Этот факт и реальная практическая отдача социологической и этнологической экспертизы обусловили существенную трансформацию внутренней политики Всемирного Банка: если, согласно инструкциям по подготовке проектов, в 1971 г. требовались только "техническая, экономическая и коммерческая" экспертизы, то в 1983 г. наряду с ними указана и "социологическая"¹⁹.

Быстро растущее значение и реальная эффективность прикладных этнологических исследований отражены в специально подготовленной Майклом Черны коллективной монографии²⁰. Ее первое издание широко использовалось в качестве учебного пособия в курсах по прикладной антропологии и социологии развития²¹. Обновленное издание окажет еще большее воздействие на специалистов-практиков.

Обратимся к монографии. В предисловии определена позиция авторов - противодействовать таким распространенным заблуждениям, как технократические и "экономократические" иллюзии, которым подвержены разработчики программ регионального развития, что проявляется в недооценке роли социальных и культурных характеристик населения его экономического поведения, равнодушии

¹⁹ Cernea M.M. Sociological Work within a Development Agency: Experiences in the World Bank. Washington: The World Bank Discussion Paper 51, August 1993

²⁰ Cernea, Michael M. (ed.) Putting People First: Sociological Variables in Rural Development. 2nd ed., revised and expanded. - New York: Oxford University Press, 1991

²¹ Ямсков А.Н. Ставя человека во главу угла. Обзор книг М.Черны по прикладным исследованиям в этнологии и социологии села //Этнографическое обозрение, 1995, N2, сс. 164-167; Yamskov A. Applied Social Research: Putting People First //Development News, Weekly Supplement. - Washington: The World Bank, June 23, 1995, p. 37

к народным знаниям и социальной организации сельских жителей (с. XII). Для понимания поднятых в книге проблем следует привести точку зрения М. Черны: "Понятия социолог и социальный антрополог (как участники разработки проекта - А.Я.) используются как заменяющие друг друга... Это оправдывается широким взаимным перекрытием того, что тот и другой делают в рамках программ развития" (с. 37).

При исключительно широком разнообразии тем в книге уделено особое внимание методике и методологии исследований. Каждому из 9 разделов предпослана сжатая формулировка основных проблем и принципиальных подходов к их решению.

Книгу открывает вступительная глава М. Черны, посвященная принципам и методам использования социальных наук (в первую очередь, социологии села и этнологии, если исходить из отечественной терминологии) в проектах и, шире, в политике развития. С этой точки зрения рассматривается полный цикл любого социально-экономического проекта, включающий следующие этапы: 1) формулировка проекта; 2) подготовка обоснования; 3) оценка и исправление обоснования; 4) осуществление проекта, включая мониторинг; 5) оценка результатов завершенного проекта (с.16).

Особое внимание М. Черны уделяет анализу "методологии социальных действий", которая, является одним из важнейших результатов прикладных исследований. По своей сути эта "методология" есть некое обобщение опыта реализации многих проектов. Автор, кроме того, подчеркивает значение "прикладной социологии и прикладной антропологии", одновременно обеспечивающих методику конкретных научно-исследовательских разработок и вместе с тем служащих теоретической основой для формулирования концепции и политики проектов. Прикладные социальные исследования, с его точки зрения, не только имеют практические результаты, но и участвуют в разработке научных теорий (с. 24).

Самый большой по объему раздел монографии посвящен ирригационным проектам. В центре внимания находятся методы исследования традиционных способов орошения и соответствующих форм общественной самоорганизации. Взаимосвязанность и взаимообусловленность, и учет технологических и традиционных социальных институтов в сфере сельскохозяйственного производства при осуществлении ирригационных проектов рассматриваются У. Ковардом. Главы Б. Багадиона и Ф. Кортена, Д. Фримена и М. Лоудермилка посвящены вопросам формирования коллективов водопользователей ирригационных систем.

Отдельный раздел посвящен проблемам первоначального заселения и поселения вынужденных мигрантов. Выделение двух спе-

циальных глав обусловлено фундаментальной разницей групп мигрантов, участвующих в этих почти идентичных с технологической точки зрения процессах. При освоении новых земель поселенцы-колонисты - это, как правило, добровольцы, прошедшие определенный отбор и подготовку. Вынужденными переселенцами (к примеру, выселяемые из зон затопления при строительстве гидроэлектростанций) являются сельские общины, в составе которых имеются бедные, малочисленные семьи, одиночки, зачастую не имеющие времени для подготовки к переселению (с. 145). Исследование, подготовленное Т. Скуддером, называется "Социологические рамки анализа заселения новых земель". Автор выделяет четыре основных типа заселения и освоения новых территорий: 1) стихийное заселение с очень небольшой государственной либо другой поддержкой; 2) стихийное заселение, основанное на государственной или иной поддержке; 3) добровольное заселение, обеспеченное государственной или иной поддержкой; 4) вынужденное переселение, обеспеченное преимущественно государственными органами (с. 154). Значительное внимание Скуддер уделяет анализу методов исследований на каждой из основных стадий осуществления проекта заселения новых земель: а) планирование, первоначальное развитие инфраструктуры и набор поселенцев; б) переходная стадия; в) экономическое и социальное развитие; г) передача поселенцам освоенных земель и созданной инфраструктуры, инкорпорация переселенцев в региональное общество (с. 160).

Автором этого же раздела является М. Черны. Он проанализировал социальные исследования, политику и планирование проектов по вынужденным переселенцам. Одним из центральных пунктов в его рассуждениях является тезис о том, что вынужденное переселение всегда означает разрушение первоначальной социальной среды и даже социальной организации мигрантов, что и составляет суть их проблем (с. 195). М. Черны подчеркивает желательность и экономическую эффективность переселения целостными социальными группами, что сохраняет культуру и, частично, социальную структуру переселенцев, делая их тем самым намного более способными к адаптации к новым условиям. Особое внимание разработчиков проектов должно быть обращено к взаимоотношениям местного населения и переселенческих групп (с. 208).

Следующие разделы отражают конкретную экономическую направленность проектов развития и хозяйственно-культурную специфику соответствующих групп населения. Как и в разделе по ирригационным проектам, на первый план выходит анализ существующих региональных вариантов культуры жизнеобеспечения и природопользования, хозяйства, соответствующих им социальных

структур. Далее формируются принципы и определяются методы выработки рекомендаций по наиболее безболезненной для населения и максимально эффективной с экономической и технологической точек зрения трансформации культуры, хозяйства и социальной организации местных жителей в процессе их вовлечения в предполагаемый проект. Такого рода сюжеты рассмотрены Н. Динсон-Хадсоном на примере скотоводства в Восточной Африке, Р. Поллнаком в отношении рыболовецких общин, М. Черны и, отдельно, С. Гугунхеймом и Дж. Спиарсом - на примере лесного хозяйства, С. Кук - на материалах проектов по развитию сельских дорог. Стоит обратить внимание, что практически во всех разделах первостепенное внимание не только уделяется экологическим аспектам традиционного природопользования, но и его модернизации в ходе внедрения программ развития. В частности, обсуждаются проблемы и пути привлечения местных жителей к экологически обоснованным современным методам использования природных ресурсов (пастбищных, рыбных, лесных). Например, М. Черны уделил много внимания организационным способам вовлечения жителей в программы по восстановлению и сохранению лесов.

Исключительную важность для отечественных специалистов имеют разделы методологического характера. Богатейший опыт, накопленный зарубежными экспертами, изложен настолько объективно, точно и полно, что позволяет избежать в российской практике многих характерных ошибок.

В главе "Когда людей не ставят во главу угла: некоторые социологические уроки реализованных проектов" К. Коттаксом на основе критики результатов внедрения 68 проектов Всемирного Банка, относящихся к 1960 - 1970 гг. сделан обоснованный вывод об эффективности предварительной этнолого-социологической проработки проектов. После такой проработки повышается экономическая отдача и снижается вероятность срывов и неудач. Используя и перефразируя "правило Ромера" (палеонтолога, доказавшего, что у первых обитателей суши конечности сформировались из плавников не для того, чтобы обеспечить им выход из водной стихии, а для облегчения вынужденных перемещений по суше из пересыхавших мелких водоемов в более крупные и глубокие), ученый подчеркивает невозможность формирования, в рамках искусственных программ развития, принципиально новых социальных и культурных феноменов в среде местного населения и не реалистичность абстрактных призывов к "прогрессу", "модернизации", "современным технологиям" и т.п. По его мнению, инновации формируются только в виде развития и усложнения уже существующих

ющих социокультурных явлений (будь то социальные структуры, методы хозяйствования или использования природных ресурсов), поэтому суть обоснованных программ развития состоит в стимулировании ускоренной и направленной эволюции естественно существующих феноменов. "Проекты социально-экономического развития достигают успеха тогда, когда начинают с облегчения людям путей к достижению уже имеющихся у них жизненных целей..." (с. 438-439) в рамках их культуры (добавим от себя).

Исследователь Н. Упхофф в разделе "Приспособление проектов к людям" продолжает рассуждения М. Черны и К. Коттака. О социокультурных факторах успеха или неуспеха проектов. С точки зрения автора, одним из основных гарантов успешности проекта является активное участие местных жителей, прежде всего, в лице общественных и институализированных органов самоуправления. Причем важным условием является участие населения на всех стадиях - от разработки программы - до ее осуществления. Способам и методам привлечения местных жителей к осуществлению проектов, а также анализу возможных ошибок и проблем в этой области как раз и посвящена работа Н. Упхоффа.

Заключает коллективную монографию раздел "Сбор социальной информации", состоящий из главы Р. Чэмберса о возможностях использования отработанных методов скоростного получения информации в полевых условиях. Из трех способов сбора информации (краткосрочный выезд высококвалифицированного эксперта; быстрая экспедиционная оценка условий в сельской местности; классическое долгосрочное полевое исследование) особое внимание уделяется второму из них как ведущему по значению и разработанному именно специалистами-практиками, готовившими проекты. Получивший специальное название "метод быстрой экспедиционной оценки условий в сельской местности" (rapid rural appraisal) совмещает научное наблюдение, опрос (в виде свободной беседы по ключевым темам) местных экспертов, отбор и опрос наиболее информированных респондентов из числа местных жителей, опрос групп респондентов, совместное с респондентами составление картосхем (сельскохозяйственных и иных угодий) или дешифровку аэрофотоснимков, и многое другое (см. сс. 523-526). В отличие от долговременных классических экспедиционных исследований, проводимых в рамках академической этнологии или социологии села, не применяются громоздкие опросные листы, опрашивается гораздо меньшая (чем даже при репрезентативных выборках) часть населения, фиксируется только та часть информации, которая имеет прямое отношение к предполагаемому проекту. Существуют и другие отличия. Важно отметить, что с

1980-х гг. подобный метод полевой работы получил признание многих профессиональных "академических" этнологов и социологов и некоторые научные журналы стали впервые публиковать работы, подготовленные посредством данного метода сбора информации. Автор рассматривает не только особенности указанного метода быстрой экспедиционной оценки, его достоинства и способы применения, но и анализирует недостатки, неизбежные (которые, конечно, немало) ограничения и типичные ошибки при его использовании.

Попытка оценить книгу, подготовленную М. Черны, как единое целое, представляется почти невыполнимой задачей из-за ее очень большого объема и широкого тематического охвата. Составитель проделал огромную работу и, благодаря своему авторитету, сумел объединить специалистов, создавших наиболее полную и информативную монографию по прикладной этнологии и социологии села. Монографию можно расценивать как своего рода пособие для обучения специалистов. Однако же и по прочтении книги остается неясным, насколько такой подход, не взирая на все его убедительно продемонстрированные преимущества, действительно популярен на Западе среди лиц, определяющих политику МБРР, МВФ и других финансовых центров.

Проходящие ныне кардинальные изменения в общественном статусе и уровне государственной поддержки академической науки в России и в других постсоветских государствах, приведут к тому, что уже в ближайшем будущем все большее число этнологов также займется прикладными исследованиями. Для них знакомство с фундаментальным трудом специалистов Всемирного Банка представляется просто необходимым²².

В книге на огромном фактическом материале по странам Африки, Азии и Латинской Америки убедительно доказывается эффективность подхода - "ставить человека во главу угла". Достоверно показаны негативные последствия программ развития, игнорировавших социокультурную специфику населения. Но все же наиболее ценной и полезной для отечественных специалистов является

²² Значительными с этой точки зрения являются также следующие публикации: Foster G. Applied Anthropology. - Boston: Little & Brown Press, 1969; Eddy E., Partridge W. (eds). Applied Anthropology in America: Past Contributions and Future Directions. - New York: Columbia University Press, 1987; Green E. (ed.). Practicing Development Anthropology. - Boulder: Westview Press, 1986; van Willigen J., Rylko-Bauer B., McElroy A. (eds.). Making Our Research Useful: Case Studies in the Utilization of Anthropological Knowledge. - Boulder: Westview Press, 1989; Wulff R., Fiske Sh. (eds.). Anthropological Praxis: Translating Knowledge into Action. - Boulder: Westview Press, 1987

точность и полнота анализа методов и способов проведения этнолого-социологической экспертизы проектов²³.

Несмотря на 20-летний период активной работы зарубежных культурных и социальных антропологов на поприще социального управления, следует все же констатировать, что пока не сложилось каких-то целостных концептуальных направлений в сфере этнологической практики. Специалисты-этнологи до настоящего времени работают как бы "на подхвате", встраиваясь в тот или иной проект, и при этом почти целиком полагаются на собственный опыт. Отечественная этноэкологическая экспертиза, со своим сравнительно небольшим 10-летним опытом применения, имеет выгодное отличие: она с первых лет своего существования (с 1989 г.) развивается как методология и методика практических исследований в рамках утвердившейся в науке субдисциплины - этнической экологии.

²³ Профессор Майкл Черны любезно преподнес экземпляр монографии в дар библиотеке Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), где с ней можно ознакомиться.